

Она моя

Автор:

Елена Тодорова

Она моя

Елена Тодорова

Клан Тарского #2

– Таир, – увидев меня, яростно выплевывает Волков. Если бы не сопровождающий конвой, наверняка бы в глотку вцепился.

– Явился, мать... Я тебе, как самому себе, доверял. А ты мою дочь...

– Наша встреча предполагает другую тему разговора, – сухо отрезаю, не позволяя старику поднять внутри меня какие-либо эмоции.

– Существует ряд документов, которые в твоих интересах подписать до суда.

– Думаешь, после того, как ты мою дочь подмял и обрюхатил, я тебе какие-то малявы подписывать стану?

К последней информации я оказываюсь не готовым. Привычное хладнокровие вместе с духом вышибает. А сердце превращается в гранату без чеки. Катя беременна?

Она – дочь моего врага. Никаких чувств к ней у меня быть не должно. Отношения между нами невозможны. Но я не могу ее отпустить.

Елена Тодорова

Она моя

Глава 1

Таир

– Значит, все-таки силой Катерину готов удерживать? Уверен, что так будет правильно? – негромко спрашивает Федор. И, будто формирование этих вопросов само по себе дает ответы, добавляет: – Прости, брат, забылся. У тебя ведь все решения взвешенные.

Он принимается за еду, я же, поблагодарив официанта, делаю крупный глоток холодной минералки и погружаюсь в мрачные размышления. На самом деле впервые в жизни действовал, позволив эмоциям в какой-то момент выйти на первый план. Вслух этого, безусловно, не озвучиваю. Какой смысл? Что сделано, то сделано. Углубляться и бросаться постфактум в какие-то сожаления чревато еще большим разбродом.

– Когда я сказал, что Катерина на связь не выйдет и, собственно, не вернется на родину без моего позволения, старик подал запрос в консульство. Спасает то, что он ни имен, под которыми мы находимся в Европе, ни точек перемещения не знает. Принял на веру, что такая конфиденциальность необходима в целях безопасности его дочери. С консульством удалось поработать, чтобы фотографии с именем Катерины Волковой не разлетелись по всем новостным каналам, но осторожность лишней не бывает. И да, по факту сейчас она моя пленница. Не вижу смысла выкручиваться. Привык называть вещи своими именами.

– Знаю, брат, – откладывая приборы, Федор сосредотачивает все свое внимание на мне. – Ты ее сейчас в известность относительно отца поставил. Надеешься, что по итогам сработает на твоей стороне? – поднимает резонный вопрос.

– Думаю, никуда она не денется. Почудит, конечно. Не без этого. Удивлюсь, если будет тихо сидеть. Умеет она шороха навести. Собственно, в этом вся Катя.

Не в первый раз мысли о ней приводят в движение лицевую мускулатуру. Игнорирую, как и разливающийся в груди жар. Эмоциональность – это не про меня.

Тогда какого хрена происходит?

– Хм, – издавая сипловатый смешок, Федор качает головой. – Если удастся заполучить верность Катерины, знаешь, она из тех, кто за тебя город-миллионник взорвет.

Похоже, брат ее за полтора месяца неплохо изучил.

– Окстись, – бросаю резковато и вновь за стакан с водой хватаюсь.

– Ну, это лучше, чем против тебя, – разводя руки, продолжает веселиться. – А когда Волков поймет, что ты его нагнул...

– Когда поймет, должен сидеть за решеткой, – высекаю жестче, чем следует. – Рассчитывал, что его уже плотно в оборот взяли. Оказалось, выпустили под залог. Дело раскручивают, так он, гнида паскудная, наскоком мощного союзника отыскал – мужа для Катерины. Потому и домой зазывает.

Тогда... Услышав эту информацию от Волкова, сам не понял, что внутри произошло. Будто какой-то массивный валун сошел с места и обрушился. Заполнив грудь по самое горло горячими, как раскаленные угли, камнями. Обожгло. До боли расперло ребра. Постепенно эта боль расплзлась по всему организму. Какое-то время вдохнуть не получалось. Замолчал, и молчал долго. Домой пришел и все ждал, что получится задавить эти ощущения. А Катя все плясала вокруг со своими вопросами... Все мельтешила перед глазами... Огнем все тело охватило. Осознанность, конечно, не терял. Понимал, что делаю. Понимал, но остановиться не мог.

– Волков империю спасает, – хмыкает Федор, продолжая рассуждения.

– Хрена лысого у него что-то получится. Закончим здесь, камня на камне от этой империи не оставлю.

Распрощавшись с братом, покидаю ресторан и направляюсь в сторону лифтов. День близится к концу. Но это не означает, что дома меня ждут тишина и релакс.

Не с Катенькой. Мать ее...

Вхожу в квартиру и первым делом нахожу царевну взглядом. Она сидит у подсвечиваемых панорамных окон на коврике для йоги.

Привычной реакции в виде обескураживающей радости третий день не выказывает. Продолжая злиться, демонстративно меня игнорирует. Впрочем, на сдержанное прощание Януша, который дежурил, пока меня не было, тоже никак не отзывается.

Неохота вступать в очередную конфронтацию. Мозг и прочее, мать ее, Катенька умеет выносить мастерски. Даже мне, привыкшему любую ситуацию воспринимать сухими фактами без эмоций. Неохота, и все же подхожу к ней, инициируя диалог.

– Чем быстрее ты начнешь сотрудничать, тем быстрее сможешь вернуться к отцу.

Запрокинув голову, царевна вскидывает на меня разгоряченный взгляд. И тут мое гребаное сознание решает позабавиться, выталкивая из глубин памяти тот единственный раз, когда она так же сидела передо мной на коленях.

Безумно красивая. Изумленная. Любопытная. Возбужденная.

Оголенная грудь, торчащие соски... Густые потоки моей спермы на них.

Сцепив зубы, медленно и максимально глубоко вдыхаю. Пытаюсь перекрыть беспорядочный поток устаревшей информации. Вместо этого воспроизвожу рваные и горячие выдохи, что опаляли мой член. А затем и вишневые губы, неумело всасывающие раскаленную головку и одним этим фактом доводящие меня до дикого исступления.

Нахожу единственный способ подавить агрессивный скачок похоти и помутнение рассудка, которые она вызывает. Подхватываю Катерину под руки и рывком ставлю на ноги. Толкаю к узкому шершавому полотну между огромными окнами, только потому что так проще ее контролировать.

Царевна, может, и собиралась дальше давить меня молчанием, но оказавшись припертой к стенке, не способна удержать эмоции. Когда волнение захлестывает, как обычно, срывается на быструю возбужденную речь.

– Сотрудничать? А если нет? Никогда нет?! Не станешь же ты держать меня при себе вечно? – выплескивает, прожигая взглядом.

– А ты сама готова находиться при мне вечно?

Не так часто Катерине требуется время на раздумывания. Пока она молчит, изучаю красивое личико, хотя и без того в мелких деталях могу ее описать. Помню совсем юной девчонкой. Не то чтобы в пятнадцать у меня, здорового мужика, на нее подрывался член. Нет, конечно. В то время чем-то другим она зацепила. Не объяснить даже, просто влезла в душу, стоило один раз в глаза посмотреть. А как подросла, стала доводить до бешенства своими выходками и тем, что меня, хладнокровного мудака, в принципе вся эта ерунда понимает.

Взмахнув пушистыми ресницами, Катя сдвигает брови и закусывает нижнюю губу, будто и правда серьезно прикидывает перспективы. Затем, шумно вздохнув, сердито качает головой и снова взглядом меня шпарит.

– Не пошел бы ты с такими вопросами?!

– Аккуратнее, Катенька, аккуратнее, – не пытаюсь смягчить то, что рвется. Звучу, как есть, приглушенно и угрожающе.

Царевна вздрагивает и, отшатываясь в сторону, намеревается сбежать. Я должен ее отпустить, вместо этого ловлю за руку. Ловлю и удерживаю, несмотря на то, что по ощущениям, будто раскаленный прут стискиваю. Стискиваю, пока глаза девчонки не заполняются слезами. Тогда лишь понимаю, что чрезмерную силу применяю.

Резко разжимаю пальцы. И ее рука так же стремительно падает вниз.

Суетливо растирая запястье, Катерина больше не совершает попыток ускользнуть. Продолжаю смотреть в бушующие эмоциями ореховые глаза, и, как ни глушу, всплывает ее горячее и отчаянное: «Что ты наделал? Я в тебя влюбилась».

Предполагал, конечно. Можно сказать, чувствовал. И намеренно довел ее до этого осознания. Зачем? На этот вопрос полностью правдивого ответа так и не нашел. Вроде как действовал с определенным расчетом. Но это ведь не все. Далеко не все.

И стоило Кате оформить свои чувства в слова, мой устойчивый мир пошатнулся. Весь гребаный шар сорвался с орбиты и полетел кубарем.

Никогда в жизни с такой силой не припечатывало.

Никогда в жизни не доводилось ломаться перед обстоятельствами.

Никогда в жизни не думал, что самым опасным противником может оказаться женщина.

А повидал ведь немало. Предпочитаю нокаутирующие удары. Любой контрманевр против себя на первых секундах останавливаю. Но с Катей... Прилетела такая отдача, третий день пытаюсь остановить и подавить.

Успешно.

– Ты, я так понимаю, не ужинала?

Решая дать ей, и себе заодно, пространство, ухожу в кухонную зону.

– Я не голодная, – выпаливает девчонка слишком яростно для простой констатации.

Я спокойно вынимаю из холодильника мясной рулет, сыр и колбасную нарезку в вакууме. Из бара достаю бутылку красного вина. Царевна тотчас настороженно

замирает.

Поймав ее прищуренный взгляд, сухо информирую:

– Голодать мне назло не обязательно.

Вгоняя штопор, боковым зрением привычно держу ее на контроле.

– А выводить меня обязательно? Таи-и-и-р-р!

– Рычи, Катенька, рычи, – проговариваю весьма мрачно, ибо отзывается во мне это ее давнее поддразнивание. Выдернув пробку, продолжаю ровным обезличенным тоном. – Ты мне живьем нужна. С эмоциями. Мертвой бесполезна.

– Я. Сейчас. Взорвусь, – сообщает с нажимом и резкими расстановками. – Так ты меня бесишь... Не пережить это! Не пережить!

Не знаю, как и почему это происходит. Подобный механизм мне попросту не знаком. Осознаю, что смеюсь, когда kloкочущая вибрация проходит через грудь, продирает горло и оседает коротким хриловатым тоном в ушах.

– Выдыхай, Катенька, выдыхай.

Она вместо этого распахивает широко глаза и цепенеет, словно на нее несется локомотив.

– Гордей...

Вот только нитья мне сейчас не хватало. В груди сходу все стынет.

– Катя...

Будто почувствовав, что ничего хорошего ей не скажу, перебивает, налетая с вопросами, которые я порядком утомился слушать.

– Что именно от меня требуется? Почему ты говоришь, что я нужна тебе? Чего добиваешься?

– Все, что от тебя требуется на данном этапе – дальше продолжать играть роль моей жены и сопровождать меня на различных мероприятиях. Неукоснительно выполнять все, что я говорю.

– Но зачем? Какой во всем этом смысл??? Чем ты занимаешься? Это... Ты работаешь против папы?

– Этого я тебе рассказать не могу. Когда-нибудь ты все узнаешь.

– Когда? Почему не сейчас? Как я после всего могу продолжать тут находиться? Как???

– Когда-нибудь ты все узнаешь, – повторяю с нажимом. – А сейчас сядь и поешь, – еще сильнее сгущая тон, давлую практически беспощадно. – Если не хочешь, чтобы я тебя силой кормил.

– Никогда не думала, что ты такой...

– Какой?

– Жестокий. После того, как я тебе сказала, что влюбилась... – не договаривает, но у меня внутри сходу процесс кипения запускается.

«Что ты наделал? Я в тебя влюбилась...»

Рвется все одним стремительным потоком по груди. Ударяет в голову. На какой-то краткий миг оглушает и ослепляет, лишает привычных ориентиров.

– Знаешь, забудь! Неправда это! Я ошиблась. На эмоциях показалось! А так... Ничего нет! Я тебя наоборот... Я тебя ненавижу!

Сцепляя зубы, намеренно отвожу взгляд.

С каких пор мне, блядь, чтобы продолжить разговор, требуется переводить дыхание?

– Сядь за стол, Катя.

– Ты меня слышишь?

– Слышу.

– Понял, о чем я?

– Понял, – каждое слово сейчас горло скребет, будто наждаком.

– Отлично! – приземляя свою задницу на стул, мелкая зараза имеет смелость улыбаться. Подхватывая ломтик сыра, взвинченным тоном разглагольствует: – Смею предположить, эти чертовы европейские каникулы будут худшим воспоминанием в моей жизни! Если ты меня не отпустишь, я тебя...

– Определенно, отпечатаются, – желая остудить ее, вновь звучу жестко и угрожающе.

– О, поверь, Гордей, ты меня тоже никогда не забудешь!

Глава 2

Катерина

Утром следующего дня долго делаю вид, что сплю. Учитывая мою природную активность, дается это крайне сложно. И все же нет никакого желания встречаться с Тарским. Хватает того, что приходится спать с ним в одной кровати. Он меня не трогает. Но сама по себе эта близость смущает как никогда сильно.

Только Таир уходит, на вахту заступает мисс Совершенство – Элиза Бах. Я хоть в последнее время и сбавила обороты своей неприязни к ней, сегодня не настроена контактировать. Да и не обязана после всего, в статусе пленницы, любезничать.

– Ты могла бы попросить Тарского меня отпустить.

– И зачем мне это нужно? – приторно улыбается блондинка.

– Затем, что ты, дурочка, в него безнадежно влюблена. А он спит со мной.

По милому личику девушки мимолетно пробегает тень, но она весьма быстро возвращает себе самообладание.

– В этом нет ничего особенного. Ты – часть его работы.

К горлу подступает горечь, но я делаю над собой усилие, чтобы рассмеяться.

– Сама понимаешь, как это звучит?

Сейчас, когда я страдаю, мне вдруг очень сильно хочется вывернуть ее наизнанку. Возможно, в лице Элизы я лишь восполняю эмоциональный баланс. Ведь сам Тарский с того вечера, как поцеловал меня, со всех сторон закрылся.

Однако и с суперблонди мне это не удастся. Несмотря на мелькнувшее в ее глазах сомнение, она буквально сражает меня снисходительно-жалостливой улыбкой.

– Ты слишком юная, чрезвычайно импульсивная и чересчур наивная, Катя. Гордею такие не по душе. Поверь мне на слово. Я знаю его очень много лет.

– И сколько же? – наплевав на вызванную ее словами боль, пытаюсь хоть какую-то пользу поиметь. – Конкретнее скажешь? Или так болтаешь, лишь бы говорить?

– Мы вместе выросли.

– Надо же... – сердце принимается стучать слишком быстро. – Ты, он, Януш, Федор, Ульяна... – иду наобум. – Кто еще?

– Больше никого. Нас было пятеро.

– И где же именно проходило ваше детство?

– В Мурманске.

– Вы же не родные по крови? Тогда что вас объединяло?

– Нет. По крови родные только Гордей и Ульяна. Нас всех усыновили.

– Бахтияровы воспитали Гордея? – не могу скрыть удивления.

– Да, как и всех нас.

Это известие меня действительно разбивает. Вспоминаю, как себя вела перед Бахтияровыми и волей-неволей ощущаю дикий стыд. Если они фактически родители Таира, пусть и приемные, как-то гадко получается.

Впрочем, я же не по-настоящему за ним замужем... Это всего лишь фикция. Боже, все сплошной обман! И столько этой фальши, что трудно уже в голове уложить.

– И что это за тупая система давать всем детям разные фамилии? Россияне, немцы, поляки... Не семья, а бродячий цирк, – конечно же, так резко выражаюсь лишь потому, что меня саму захлестывают эмоции.

Скулы Элизы слегка розовеют, но в остальном она своих чувств не выдает.

– Так было нужно.

– Ну да, ну да... Пойду я, прилягу. Готова разболелась. Не скучай.

Хотя, конечно, мне абсолютно наплевать, будет ли она томиться от скуки. В конце концов, я ее не приглашала. Она такой же конвоир, как и все остальные.

Вернувшись в спальню, мечусь по периметру. Пытаюсь собрать разбредавшиеся мысли в какую-то разумную цепочку. Получается откровенно плохо. Тогда, поддавшись порыву, бросаюсь обшаривать комнату. Начинаю с письменного стола. Осторожно выдвигаю один за другим ящики, перебираю старую корреспонденцию. Ничего другого попросту нет. Непонятно, с какой целью Гордей, он же Йен Ланге, все это хранит. Ничего стоящего! Коммунальные счета, письма из страховой, из налоговой, открытки от друзей... Просто хлам!

В спальне мало мебели. Я работаю усердно. Просматриваю даже кровать. Приподнимаю матрас со всех сторон. Но раз за разом меня ждет разочарование.

Отчаявшись что-либо отыскать, направляюсь в гардеробную. С той же скрупулёзностью принимаюсь копаться в вещах. За шорохом одежды не слышу, как открывается дверь в спальню. Натуральным образом верещу, когда рядом внезапно возникает Тарский.

– Что ты делаешь? – прорезает мой визг его сильный и выдержанный голос.

Отпираться бессмысленно. Он поймал меня на горячем.

Сглотнув, нападаю в ответ:

– А что мне еще остается?

Голос звучит достаточно громко, но я при этом неосознанно пачусь. Таир надвигается следом. Не прикасается, однако я и без того съеживаюсь.

– Ты должна это прекратить, – жестко произносит он. Кажется, что этот тон колючим полотном на спину ложится. Задерживаясь на коже, заставляет вздрогнуть. – Не пытайся мне противостоять, Катя. Не стоит тебе со мной воевать.

– Ты мне угрожаешь? – уточняю, хоть и так все понятно.

Меня ведь и без какого-либо физического воздействия вот-вот в клочья разорвет. Те самые чувства, что Тарский во мне поселил и всполошил. Как ни злюсь, как ни настраиваюсь, подавить их не получается! Кажется, что избавиться от этой любви можно, лишь вырвав из груди сердце. Оно в последние дни стало неестественно тяжелым и объемным. То и дело барахлит. Замирает от каждого его взгляда и безумно колотится от каждого слова.

– Остерегаю.

– По-моему, сейчас это одно и то же, – выдыхаю прерывистым шепотом. – Я долго верила, что ты обо мне заботишься... Сейчас мне просто смешно! Господи, я такая дурочка! – в пору заплакать от разъедающей душу горечи. – Я ведь считала тебя близким человеком. Доверяла тебе.

Скулы и подбородок Гордея приобретают острые черты. В глазах появляется тот самый блеск, из-за которого у меня все слова стопорятся в горле вместе с дыханием.

– Ты и сейчас должна мне доверять. Остальное, – выдерживает ощутимую паузу, – не додумывай.

– Как я могу доверять, если ты удерживаешь меня против моей воли?! И не говоришь, что мы тут делаем. Мы находимся в Европе уже три месяца!

– И задержимся еще дольше, если ты будешь тянуть время, нянчась со своими обидами.

– Обидами? Так ты это называешь? У тебя вообще души нет? Ты только физически существуешь? Делаешь только то, что нужно, и ничего не чувствуешь? Ну, прости, я так не умею!

– Мне нужно, чтобы ты, как раньше, выходила со мной в люди, – сухо реагирует Тарский на мою срывающуюся речь.

Попросту непрошибаемый!

Но я ведь знаю, что так не всегда... Уже получалось пошатнуть его казалось бы непоколебимую стойкость.

Эти мысли придают сил и веры в себя.

– Окей! Куда? И зачем? – меняю тон с потерянного на ироничный.

– Затем, что так нужно.

– Если ты не дашь мне хоть какую-то информацию...

– Ты тут не командуешь, – напоминает то, что я уже не раз слышала. И вроде не повышает голос, не примешивает мат, а пробирает этот его тон яростью и беспощадностью сильнее любого крика.

– Да пожалуйста... – фыркаю, хотя охота спрятаться и зажмуриться. – Не команду! Не команду, значит, и содействовать не обязана.

Моя ошибка в том, что позволяя эмоциям поглотить себя, я теряю элементарную осторожность. Забываю, что Гордей все еще рядом. Не замечаю, как приближается и хватает за руку. В следующую секунду машинально перебираю ногами, чтобы повторить заданную траекторию.

Тарский вытаскивает меня в гостиную.

Элизы нет. Мы одни.

Не в первый раз, но отчего-то именно сейчас начинаю волноваться еще сильнее. Подтащив к барной стойке, Таир подхватывает меня и усаживает на высокий стул. Пока я, учащенно дыша, заторможенно осмысливаю происходящее, толкает вместе с предметом мебели к стене и втискивается между моих бедер.

Что ему надо? Это какое-то место пыток?

– Не воюй со мной, Катя, – повторяет то, что уже было сказано, совсем другим тоном. – Сломаю при первой же атаке, – смотрит и до костей пронизывает ледяным холодом. А потом... Не знаю, намеренно ли, или у него самого

непредвиденно что-то внутри меняется, на контрасте прожигает огненными стрелами. Не справляясь, опускаю глаза настолько, что ощущаю, как ресницы щекочут щеки. Глубоко вдыхаю, пока он молчит. И судорожно выдыхаю, когда, приблизив лицо, продолжает говорить. – Думаешь, я не хотел бы, чтобы все было иначе? – этот вопрос выговаривает приглушенным и каким-то незнакомым интимным тоном. – Думаешь, я тебя не хочу? – еще тише и гуще.

И этот вопрос, как самое неподвластное обстоятельствам признание, прижигает все органы восприятия. Разбавляет своей ядовитой горячностью кровь. Прошивает каким-то убийственным стимулятором сердце. Распалает внутри меня сумасшедшее волнение.

По спине толпами сходят мурашки.

Рваное дыхание ударяется Тарскому в подбородок и, отбиваясь, возвращается на мои губы. Внутри становится очень жарко. Настолько, что эта температура вызывает боль в висках и головокружение. О том, как горят щеки, молчу... Не знаю, как реагировать. И не должна! Стоит сделать вид, что я не понимаю, о чем он говорит. Стоит... Но я не могу! Поднимая веки, в очередной раз разбиваюсь под напором эмоций, которые он умышленно или бесконтрольно выпускает.

Неужели я все же что-то значу для него?

Сколько еще раз я буду задавать себе этот вопрос и снова обжигаться?

Снова надежды. Снова сомнения. Снова глупые мечты.

– Думаю... – сиплю едва-едва слышно. Запинаясь, прочищаю горло. – Думаю, это ничего для нас не меняет.

– Правильно, Катенька, правильно, – Тарскому словно тоже приходится прилагать усилия, чтобы нормально говорить. Хоть он и делает это достаточно ровно, долгие паузы между словами с задержкой дыхания подсказывают, что от спокойствия внутри него и следа не осталось. – Умная моя девочка.

Таир

– Митюхина пора брать, – негромко, в своей растянутой манере, проговаривает Януш.

Долго молчу, обдумывая сказанное. Сунув в рот сигарету, чиркаю зажигалкой, но прежде чем прикурить, некоторое время бесцельно смотрю на пляшущий в полумраке автомобильного салона огонек.

– Рано, – выдыхаю только после второй глубокой затяжки вместе с потоком табачного дыма. – Если сейчас повяжем, есть риск, что Потоцкий смекнёт, что к чему, и зашнурует где-нибудь в дальней провинции. Нам эта осторожность все дело положит. Толку рвать руки и ноги, если голова останется? – вновь неторопливо затягиваюсь и медленно выдыхаю.

Когда заканчиваю, в машине повисает тишина. Заостряется. Потрескивает.

– С каких пор ты снова куришь?

Не поворачивая головы, по интонациям понимаю, что брат в недоумении. А это с его флегматичной натурой крайне редко случается.

– С таких.

– И что поспособствовало?

– Ты жаждешь подробностей?

– Весьма.

– Ты их не получишь, – прибываю с шумным выдохом никотина. – Не лезь мне в душу, Ян. Не понравится.

– А она у тебя есть?

Я бросаю в его сторону мрачный взгляд.

– Это из-за этой... Из-за Катерины? – произносит Януш так же лениво, как и всегда. Но при этом с жирным флером пренебрежения. – Изначально как-то туго у тебя с ней пошло. Давно пора обозначить углы и штырем ее поставить. Не пойму, чего с ней нянькаться? Станешь тянуть резину, все завалим. Мне-то по барабану. Ты мое отношение к этому вопросу знаешь: сражаемся с ветряными мельницами. Только охота быстрее свернуть это дело, и домой.

– Придержи свое вечное ученье «Мы все умрем, и слава богу» для кого-то другого. Знаешь же, что я не терплю, когда мне кто-то советы раздает.

Памятуя, что на брата трудно воздействовать вербально, нет смысла давить интонациями. Но я давлю. Только потому что испытываю такую потребность, а это, стоит заметить, достаточно странно.

– Если бы не знал тебя, решил бы, что ты в нее вляпался, – брезгливо заключает Януш после всего.

Впервые в жизни охота вмазать ему по роже. А это уже полнейшая дичь. Учитывая мою стальную сдержанность и его хроническую флегматичность, подобных прецедентов не случалось даже в детстве.

– Но ты меня знаешь, – высекаю хладнокровно после емкой паузы. – На этом давай вернемся к работе.

– Вернемся, – так же монотонно тянет брат.

Скомкав в пепельнице окурок, продолжаю с отличительной собранностью:

– Первым нужно взять Потоцкого. Только потом всех остальных.

– Да только этого Потоцкого еще найти нужно. Три месяца работы, а зацепок с гулькин хрен.

– Мы знаем, что он в Берлине. И осведомлены насчет его специфических сексуальных предпочтений.

Собственно, именно возле указанного информаторами свингер-клуба «Wunschzimmer[1 - Wunschzimmer (нем.) – Комната желаний.]» мы с Янушем сейчас и находимся. Пока лишь наблюдаем за прибывающими посетителями. Отбрасываем пары, которые светятся, как новички, и выделяем тех, кто шагает в здание, как к себе домой.

– Бесполезно, – угрюмо резюмирует Ян. – Если мы не знаем, как он выглядит, трудно за кого-то конкретного зацепиться. Именно поэтому пришла пора серьезно надавить на Катерину. Молчишь? Молчи. Знаешь, что я прав. Мы не можем торчать здесь год.

Вернувшись посреди ночи домой, чувствую себя так, будто на коже толстым слоем грязь принес. Хочется двинуть плечами, развернуть грудь, за раз все сбросить. Если понадобится, вместе с кожей. Что-то останавливает, заставляя вариться в этом липком месиве. Чем дольше сохраняю неподвижность, тем грубее слой. Нарастает, как костный панцирь. Защищает от внешних факторов, но вместе с тем сковывает и душит эта броня.

Долго стою у открытого окна. Курю, поглощая вместе с никотином холодный октябрьский воздух.

Правда в том, что я, как ни отпирайся, сам заложник обстоятельств. Три года назад, когда сестру убили, и мне пришлось в одиночку заканчивать текущее задание, зарекся возвращаться в Германию. Улетел на родину и сходу подал рапорт с прошением переназначить в пределах страны.

Понимал, что полностью выйти из системы, не получив при этом черную метку, невозможно. Ждал задание, над которым бы можно было работать, не пересекая границу. От не подвижности в Европе не избавился только потому, что на тот момент не хотел этим заниматься.

Смежная с нами структура в то время аккурат взяла в разработку несколько крупных криминальных группировок. Главой одной из них являлся Александр Волков. Не то чтобы в нашем деле давался какой-то особый выбор и учитывались личные пожелания, но глава управления, подполковник Рязанцев, приходился мне кровным родственником – дедом по материнской линии. В тот момент я посчитал, что он пошел мне навстречу, минуя внутренний устав. Побухтел, безусловно, что внутри страны для таких, как я, слишком мелко. Сетовал,

уговаривая продолжать раскатывать за границу. Но постепенно сдался.

Так я думал тогда.

Когда приступаешь к работе под грифом «особо секретно», в целях безопасности редко дают информацию дальше, чем на несколько ходов. На первом этапе мне поручили втереться в доверие к Александру Волкову, войти в состав группировки и стать руководящим звеном. Я справился с этим достаточно быстро.

Но о том, что основная цель системы – Катерина, узнал лишь три месяца назад.

Когда случились первые покушения, принял их за обычные в той среде криминальные разборки. Частота, интенсивность и агрессивность вызвали первые подозрения. Действовали так, словно не было конечной цели убить. Больше походило, что делали подвязку на непрерывную угрозу жизни Катерины.

Кому и зачем это было нужно?

Долго ломать голову не пришлось. Едва Волков озвучил решение вывезти дочь за границу, прозрел. Уточняя фамилию товарища, который якобы дал дружеский совет, не удивился, услышав фамилию деда.

Меня, мать вашу, тупо прижали к ногтю. Выйти из проекта по Волкову до завершения у меня не было правомерных причин. Одно перетекало во второе, и не в моих полномочиях было возникать. Плюс, оставаясь честным до конца, доверить кому-то другому безопасность Кати уже на тот момент не мог. Несмотря на отведенную ей роль, планировал вытащить девчонку из этого дела живой и невредимой. Что бы ни случилось, этим решением не поступлюсь. Но... Время поджигает, и как-либо нежничать у меня попросту нет права.

Понимаю, что Катя так или иначе пострадает. И как бы паршиво это не отбивалось в душе, источником этой боли в первую очередь буду именно я.

Затушив сигарету, быстро и уверенно двигаюсь в сторону спальни. Едва удастся различить знакомые очертания, за грудиной, словно в попытке остановить, что-то протестующе проворачивается. Сглатываю под этот ржавый и жгучий

скрежет, планомерно перевожу дыхание и сдергиваю с царевны одеяло.

– Гордей... – доверчиво шелестит она сквозь сон. – Что ты делаешь?

– Вставай.

– Зачем? – в голос примешиваются растерянность и едкие вкрапления беспокойства.

Сцепив зубы, протягиваю руку и дергаю за цепочку над изголовьем. Механизм щелкает сухо, словно затвор винтовки, и спустя секунду постель заливают мягкий желтый свет.

С двухсторонними приглушенными выдохами встречаемся глазами. Но я не позволяю Катерине копаться в моих в поисках ответов. То, что я в тот момент даю, очевидно, пугает ее. Суетливо одергивая сорочку, она неловко принимает сидячее положение и замирает. С самым ублюдочным выражением, на которое только способен, равнодушно скольжу по полуголому телу взглядом. Только вот правда в том, что несмотря ни на какие установки, у меня на нее встает.

– Гордей...

– Поднимайся и иди за мной, если не хочешь, чтобы я тебя волок силой.

После короткого шумного вздоха, глаза Катерины становятся стеклянными. Охота отвернуться, чтобы не видеть очевидного испуга и полной растерянности. Но сейчас я не имею права на подобные маневры. Вместо этого протягиваю к девчонке руки и рывком стягиваю с кровати.

Настоящая свобода – это не иметь ничего. Никаких привязанностей. Никаких кровососущих связей. Духовных в первую очередь. После гибели сестры долгое время так и жил. Сейчас же... Проведя с Катей три месяца, я утратил свободу.

Таир

Катя не сопротивляется, но и не рвется выполнять указания. А я в кои-то веки не настроен ждать. Януш прав, слишком затянул с этим вопросом. В гостиную царевну все же приходится тянуть силой. Втащив в небольшой круг света, который дает последний уцелевший напольный торшер, сваливаю ее перед собой на колени.

– Что ты делаешь? – оживает возмущениями, хоть и растерянность еще слышится.

Я кладу руки на ремень, отщелкиваю металлическую пряжку, и Катерина, реагируя на этот звук, машинально опускает взгляд и стопорится им в районе моего паха. Меня и без того сегодня переполняют эмоции, которые я совершенно точно не должен испытывать. Ничего в принципе к ней не должен чувствовать. А тут еще снова всплывает тот самый раз, и меня бесповоротно кроет. Сознание расшатывает какой-то дурман.

Если нормально, чтобы так штырило от женщины, то почему я, блядь, только в тридцать два об этом узнал?

Не могу прекратить ловить реакции самой Кати. Малейшее изменение в лице, каждую мелькнувшую эмоцию, тени растерянности, удивления и опасения, трепет длинных ресниц... На характерном хрусте молнии царевна выразительно вздрагивает и судорожно сглатывает.

Напоминаю себе: то, что я делаю, не обусловлено желанием получить удовольствие. Те самые внешние обстоятельства толкают нас в новые рамки. Избежать близости не получится. Я не могу взять Катерину в «Комнату[2 - Здесь: сокращенный перевод Wunschzimmer.]» неподготовленной.

Это просто часть моей работы, какой бы дикостью подобное не казалось. Я должен действовать хладнокровно и собранно. Чтобы удержать самообладание, напоминаю себе и то, кем я на самом деле являюсь. На ум приходит не одна из десятков успешных операций. Вспоминаю первое жесткое задание в учебном лагере: поймать зайца, убить его ударом о дерево, быстро отрезать голову и, задержав дыхание, выпить кровь.

Катя... По основополагающим инстинктам и разболтанным эмоциям тот самый заяц, которого, как живое и безвинное существо, все еще жалко. Будто сам я снова – восемнадцатилетний пацаненок, до конца не осознающий, что в будущем ему придется при определенных обстоятельствах без промедления и каких-либо эмоций убивать людей. Нередко, во избежание разоблачения, даже мирных.

Все эти мысли, эмоции, ощущения... Все это мне не нравится. Все это должно прекратиться.

Сцепляю зубы и освобождаю налитый похотью член. Вижу, как Катерина сначала заторможенно моргает. Потом, напротив, проделывает это раз за разом – чаще и чаще. Бурно выдыхает, и этот выдох влажным паром шпарит мне член. Не успеваю сгруппироваться и тормознуть восприятие, как горячее покалывание распространяется по всему телу.

Морщусь и неосознанно резко втягиваю воздух. Пришедшие в движения мышцы лица каменеют, лишь когда Катя вскидывает ко мне изумленный взгляд.

Отражаю его.

Безусловно, она не понимает, что происходит. После всего, что было, и что я сам ей говорил... Она ведь не знает, что заставило меня изменить тактику. Ощущаю себя тупым, непоследовательным мудаком и все же говорю:

– Сейчас, Катенька, я хочу, чтобы ты мне отсосала.

Реакция царевны удивляет. Не то чтобы я рассчитывал, что она незамедлительно приступит к работе. Однако вспышку столь яростного раздражения тоже не предполагал. Ее лицо буквально загорается, бровки сталкивают кожу, формируя на переносице небольшую борозду, ноздри трепещут на каждом вдохе, а пухлые вишневые губы быстро и агрессивно двигаются, выталкивая заряженные эмоциями слова:

– Ты идиот! Не буду я ничего делать.

Ни одна женщина до Катерины не осмеливалась бросать мне в лицо подобные оскорбления. Да и в принципе как-либо возникать. Обычно все они рассудительно предпочитают помалкивать. Очевидно, я не тот человек, который располагает к диалогу. Но, мать ее, Катенька – совершенно другая стихия. Эта девчонка переполнена атомной энергией и лишена основного инстинкта самосохранения. Ей бесполезно зачитывать инструктаж и требовать его соблюдать. Она назло сделает все наоборот.

Стоит заметить, что и мне до нее не доводилось испытывать столь противоречивых эмоций. Как ни парадоксально, не всегда получается их блокировать. Вот и сейчас своим непослушанием и руганью Катя поднимает внутри меня гнев, а смелостью и непосредственностью – какие-то неопознанные, но однозначно не менее мощные эмоции.

Поддаваясь порыву, делаю совсем не то, что планировал. Прихватывая девчонку под руки, подрываю ее обратно на ноги. Встречая активное сопротивление, лишь жестче напирая. Вжимаясь в лицо царевны своим лицом, думаю о том, что не должен ее целовать. Думаю и целую. Захватываю ее рот, прежде чем сознание выстраивает адекватную цепь поведения. Катя на короткий миг цепенеет, а потом возобновляет и усиливает борьбу.

– Боишься меня? – спрашиваю, прижимая до хруста крепко. От губ практически не отрываюсь. Давлю на них. Бью словами и дыханием. – Отвечай!

– Конечно, нет! Просто ты скотина!

Именно этой дерзости я и жду. Отпустил бы, если бы призналась. А раз отрицает, значит, боится лишь своих эмоций и ощущений. То, как больно рвутся тонкие душевные струны, мы уже проходили. Но этого, к сожалению, не миновать. Идем на повторение.

Чтобы раздеть царевну, не приходится ничего рвать. Едва сжимаю узкие плечи, тесемки сорочки сами собой спадают. От ее же возни сползает лиф и полностью оголяется грудь. Твердые соски впечатываются в мою рубашку, и я, придерживая дыхание, представляю, как почувствую их голой кожей.

Одна моя ладонь фиксирует Катин затылок, вторая ложится поперек спины и притискивает, не оставляя возможности двигаться. Лихорадочно дрожа, она

пытается сомкнуть губы. Когда и это не удастся осуществить, норовит укусить.

– Катя, – голосом давя. – Прекращай, твою мать... – дожимаю жестко. А потом очередное помутнение рассудка дает незнакомые команды. Оказывается, мой голос при случае тоже способен ломаться. – Подчиняйся, заяц... Давай, девочка, расслабься.

Она вздрагивает и зажмуривается.

– Пожалуйста, не надо... – мотает головой. – Пожалуйста, я и так тебя... Я тебя...

– Катя, – то ли остановить, то ли дальше толкнуть пытаюсь. Сам ни хрена не соображаю. Больше ничего кроме имени ее не могу произнести. – Катя, – совсем странными интонациями играю. – Катя...

Она замирает, будто цепенеет под действием каких-то паралитических препаратов. Молчит, постепенно возобновляя густое и рваное дыхание. Кажется, несмотря на свою болтливую натуру, ничего произнести не способна.

– Катя... – медленно и хрипловато перекаत्याю звуки.

Испустив особо тяжелый вздох, с каким-то сокрушающим отчаянием сдается. Прежде чем размыкает губы, этими звуками заочно душу мне сворачивает. Не желая думать и анализировать всю эту ебучую хренотень, прикрываю глаза и сходу врываюсь в ее рот языком.

Катя вздрагивает с такой силой, будто ее подключили к электропитанию высоковольтной линии. Я же понимаю, что абсолютно не способен контролировать то, что творится внутри меня. В груди сквозняк гуляет. Проносится пыльным порывом, как свирепый вихрь перед бурей. А потом сворачивает нутряк дикой тряской. Трещит все настолько, что камни летят. В голове возникает гул, и раскручиваются необъяснимые вращения.

Физически тошно от всей этой муторной дрожи. И вместе с тем штырит удовольствием, как никогда прежде.

Непонятно, чего больше. Непонятно вообще ничего.

Не прекращая целовать, заставляю Катю выпрямить руки, чтобы беспрепятственно скатить по ее телу шелковую сорочку, пока та не падает на пол. Оставляя на ней трусы, принимаюсь за свою одежду. Выдергиваю из петель верхние пуговицы рубашки и стаскиваю ее через голову. Так же торопливо избавляюсь от брюк и белья. Переступив через ворох тряпок, подтягиваю Катю к креслу. Но, прежде чем сесть и устроить девчонку к себе на колени, сдергиваю все же с нее трусы, хотя изначально этого делать не планировал.

Лишать ее невинности в мои планы никогда не входило. Да и сейчас рассчитываю, что до этого она дойдет как-нибудь без меня.

Когда оказываемся полностью обнаженными, Катя пытается неловко увернуться, но полный контакт все же происходит. Захватывая ртом ее губы, нажимаю ладонями на бедра и подтягиваю к паху. Горячая и нежная плоть влажно скользит по моему разбухшему и болезненно пульсирующему члену. Я давлюсь кислородом, замираю и, выцеживая хриплыми рывками застрявший в груди воздух, непреднамеренно пускаю в ход зубы. Не знаю, как не прокусываю девичьи губы до крови. Впервые сталкиваюсь с каким-то звериным желанием загрести все, что можно.

Эта, мать ее, Катенька... Мать ее... Мать... Даже ее пальцы обжигают. Оставляют следы на моей груди и на плечах. Быстро ловлю нежные ладони и, заведя их ей за спину, сковываю одной рукой, будто наручниками. В следующий раз стоит озадачиться этим изначально. Ничего не могу с собой поделать, похоже, мне нравится ее обездвиживать, контролировать полностью, крепко держать, давая себе и ей понимание, что главный здесь именно я.

Что за, на хрен, больное стремление?

Второй ладонью давлю Кате между лопаток. Она напрягается, сражаясь с силой моего давления, хотя должна понимать, что лишь оттягивает неизбежное. Стоит слегка увеличить напор, с задушенным вскриком падает мне на грудь, и ее вздернутые соски, наконец, вжимаются в мою разгоряченную кожу.

– Катя, расслабься, – и это не просьба, откровенное требование, которое я выдыхаю прямо в ее искушенные губы.

– Я с тобой не могу...

– А с кем можешь? – сам не соображаю, зачем подобное спрашиваю.

Знаю ведь, что являюсь первым и пока еще единственным, кто посмел ее коснуться. Катя думает над ответом. Слишком долго думает. А меня вновь ослепляет юродивой вспышкой-желанием забрать у нее все, что только можно.

– Дурак ты, Таир... – горячо выдыхает она и при этом тихо так, глядя прямо в глаза. – Дурак... Я ведь только тебя...

Буря внутри меня нарастает. Со свистящим воем ветра сметает все самые стойкие сооружения. Не нахожу иного выхода эмоциям, как толкнуть ее обратно к себе и остановить все слова поцелуем. Жду, что Катя возобновит сопротивление. Но она в очередной раз удивляет, гостеприимно принимая мой язык. Встречая напор, отвечает на поцелуй, заставляя меня самого в какой-то момент замереть. Все еще обездвиженная, полностью мной скованная, одним своим ртом перехватывает контроль. Когда начинает ездить на мне бедрами, не препятствую. Только всем телом напрягаюсь, чтобы не кончить на первом же скольжении ее промежности по моему члену.

Подобный контакт для меня далеко не в новинку. Тогда какого хрена именно с ней я получаю абсолютно ошеломляющие физические реакции? Непрерывно приходится тормозить закипающее в яйцах семя.

Особенно когда царица полностью отпускает себя и между слюнявыми поцелуями принимается с привычным томным придыханием делать совершенно глупые признания.

– Ты такой большой... Гордей... Ты такой твердый... Таи-и-и-р-р...

Сам нахожусь на грани безумия, когда понимаю, что Катерина приближается к разрядке. Болтливость ее не утихает, но становится слишком рваной и, в конечном итоге, переходит на короткие бессвязные звуки. Движения увеличивают амплитуду и приобретают резкость. При этом течет царица так, что мокрым и липким оказывается не только мой член, а весь пах.

Кончая, замирает. Прекращая целовать, задушенно хватает губами кислород. Содрогается всем телом. Громко стонет, располовинивая воздух на две

противоборствующие массы – горячую и ледяную. Первая влетает в меня на выдохе и удушающими комками сгущается в легких. Вторая жжет холодом покрытую испариной кожу.

– Надеюсь, теперь ты, Катенька, будешь так любезна и отсосешь мне? – выталкиваю не без злости.

Не потому, что реально в ярости нахожусь. Просто в данный момент я, мать вашу, даже полноценно дышать не решаюсь.

Глава 5

Таир

Даю Катерине не больше минуты, чтобы обрести самообладание и иметь трезвую возможность отказаться. После чего, отлепив ее от своего паха, спускаю между ног на колени.

Приподнимаю рукой ноющий член. Сжимаю в бесполезной попытке сбавить накал возбуждения. Ощувив под пальцами вязкую и скользкую влагу, необдуманно веду ладонь вниз и тотчас с шипящим выдохом возвращаюсь обратно к головке. Стискиваю до онемения.

В глазах сыплет искрами. По коже пробегает дрожь.

Поймав горячий взгляд Кати, пытаюсь сфокусировать на ней свой собственный. Реагируя на эмоциональную наполненность этого обращения, она расширяет глаза и громко втягивает воздух. Вдобавок проходится по распухшим губам языком, я едва сдерживаю рвущий горло стон.

– Ладно, – шепчет чуть слышно. – Я помогу тебе...

Подавшись вперед, перехватывает мой член рукой, и я сразу же убираю свою ладонь.

Помощница, мать вашу... Альтруистка всяя Руси...

Осознаю, что долго не продержусь, да и не собираюсь в этом деле демонстрировать характер. Минет – не поле боя, чтобы геройствовать. Однако существует все же, вопреки всем установкам, элементарное желание получить удовольствие от самого процесса.

Едва Катя наклоняется к моему члену, теряю всякую выдержку. Прикасается к головке губами, и у меня в глазах темнеет, хотя я их не закрывал. Резко втянутый воздух сверлящей воронкой входит в грудь и что-то там дробит на куски.

Чему я, мать вашу, могу ее научить, если готов кончить при первом же контакте?

Царевна прикрывает глаза и принимается самозабвенно кружить по головке языком. Одурающе действует, хоть это и не то, чего я ожидал. Пробивает по каким-то точкам, плавит тот самый панцирь, которым только сегодня довелось обзавестись.

Она старается... Несмотря на то, что я в последнее время веду себя как мудака. Несмотря на то, что не понимает, чего от нее хочу. Несмотря на то, что держу ее под замком и не отпускаю к отцу.

Конечно же, облизывание члена на манер леденца – это не то, чего жаждет взрослый половозрелый мужик. Но я наслаждаюсь даже этим, потому что это она... Да, блядь, открытие хреновее некуда. Сцепляя зубы, некоторое время позволяю Кате без спешки исследовать свой член. Сам за этим лишь наблюдаю.

Сердце при этом по всей груди мечется. И тормозить его бесполезно. Все еще пытаюсь держать контроль на своей стороне, накрываю Катину ладонь рукой. Направляя, двигаю по всей длине члена и менторско-скотским тоном руковожу:

– Возьми полностью в рот и соси.

Царевна с пошлым причмокиванием отрывается от разбухшей и покрасневшей головки. Смотрит на меня в какой-то мере возмущенно, в какой-то мере –

растерянно.

– Тебе не нравится?

Я на этот провокационный вопрос отвечать не собираюсь. Вместо этого сухо вношу рациональную точность:

– Мне нравится, когда берут глубоко в горло и усердно сосут.

Вижу, что ее задевает мой тон. Но, стоит отдать должное, недолго царевна обиду катает. Кивает и возвращается к делу. Только теперь смотрит на мой член, как на сверхсложную задачу. Выглядит все это неожиданно забавно и дико пошло одновременно.

– И давай больше слюны, – добавляю уже просто, чтобы задержать в ее глазах эту занимательную озадаченность.

– Хорошо... – растянуто шепчет Катя.

И, мать ее, заглатывает. Вбирает, конечно, не полностью. Едва задней стенки горла касаюсь, огромные ореховые глаза в изумлении становятся еще больше.

Мать вашу...

В спину ударяет волна жара. Горячим покалыванием переползает по плечам и шее к груди. Скатывается, словно кусок растаявшего масла, вниз живота. Кожа вновь приобретает блестящую и охлаждающую влажность.

Я держусь, как могу, забывая, кем на сегодняшний день являюсь. То, что со мной происходит сейчас, ощущается острее, чем самый первый минет. И я не хочу это незамедлительно анализировать.

На самом деле спасает то, что сижу, иначе не сдержался бы. Натянул бы ее жестче. Сейчас стараюсь об этом даже не думать и в принципе не двигаться. Хватает и того, что от этих неумелых ласк внутри все органы приходят в движение. Кровь превращается в жидкое пламя и, расширяя потоки, стремительно несется по венам. Сгущая внизу живота кипучую лаву

удовольствия, по максимуму забивает член.

Не уверен, что когда-либо доходил до подобного предела.

Пока Катя покорно следует указаниям, дышу надсадно и часто. Не контролирую даже этот процесс. Из-под потяжелевших век и призму порочного морока наблюдаю за тем, как царица сжимает вокруг моего члена свои идеальные вишневые губы и старательно сосет. Слюны при этом выделяет действительно много. На каждом рваном движении та стекает вниз, покрывая влагой ее и мои пальцы. Не замечаю, как в какой-то момент принимаюсь с силой сжимать хрупкую девичью ладонь вокруг ствола и активно двигать ею вниз-вверх.

Вторую свою руку опускаю Кате на затылок и все же вынуждаю ее вобрать больше, чем она рассчитывает. Она давится и в итоге закашливается. Красивые доверчивые глаза краснеют и заполняются слезами. Те даже проливаются. Выкатываются крупными каплями и сбегает тонкими ручейками по ее покрасневшим щекам. Однако я на этом не собираюсь останавливаться. Как бы странно это не звучало, просто не могу. Да и сама Катя не совершает ни одной попытки уклониться. Отрывается лишь на пару секунд, чтобы восстановить дыхание.

Ей всего-навсего необходим кислород, чтобы продолжать. Для меня же эта пауза вдруг затягивается вечностью.

– Давай дальше... Катя... Давай, девочка...

Не дождавшись реакции, сам притягиваю ее голову обратно.

– Ох, черт...

Издав еще какой-то сдавленный мурлычущий звук, с готовностью принимает меня обратно. Теплота и нежность ее рта после перерыва на этом круге действуют еще разрушительнее. Срываясь, напрягаю бедра и задаю темп. Скорость Катиных движений синхронно увеличивается. Каждый раз быстро соскальзывает по моему члену вниз, а дойдя до комфортного максимума, плотно сжимает губки вокруг ствола, чтобы я не толкался дальше.

Препятствие, конечно, так себе.

Но я читаю этот знак и принимаю. Дальше не напирая, царица и так вся в слезах и слюнях. Без стеснения и каких-либо предрассудков охотно позволяет мне трахать свой рот.

– Дыши через нос, – подсказываю на очередном приступе кашля, потому как она, по всей вероятности, растерянная моим напором и новизной ситуации, скорее задохнется, чем вовремя сообразит.

Спуская мне на член невероятное количество слюны, судорожно сглатывает и жадными рывками шумно глотает воздух. Кивает, давая понять, что услышала. Смахивает свободной рукой слезы, вторую ее руку я не отпускаю. Она, умница, уже сама ею отлично работает. Но мне нравится направлять. Да и просто в этот момент к ней прикоснуться.

Заглатывая обратно член, Катя с отчетливым пыхтением тянет кислород носом и продолжает сосать. Внутри меня к этому моменту ноет каждая мышца и пульсирует каждый мало-мальски значимый орган. Понимаю, что больше не в силах сдерживаться. Как ни оттягиваю пик, уровень наслаждения достигает критического максимума.

Тогда прихватываю Катин затылок и оттягиваю ее голову от своего члена.

– Открой рот пошире.

Кончать непосредственно в процессе опасаюсь, чтобы не захлебнулась. Кроме того, хочу это видеть. Глядя на ее лицо, зацепляю большим пальцем уголок распухших губ, слегка оттягиваю в сторону и вниз. С громким рычащим стоном кончаю, направляя ей в рот густые струи семени.

Катя от неожиданности вздрагивает, на миг замуривается, но не пытается освободиться или как-то увильнуть. Инстинктивно сглатывает и принимает все до последней капли.

Когда все стихает, я, должен признать, нахожусь в не меньшем шоке, чем она. Только у нее все на лице написано, а мне удастся в какой-то момент запереть

весь этот беспредел под неподвижной маской хладнокровия.

Медленно разжав заостреневшие пальцы, отпускаю Катерину. Банально радуюсь тому, что сижу. Впервые в жизни после оргазма пульсирует не только мой член, все мышцы дрожат – руки, живот, бедра, икры. Высоко и натужно вздымается грудь.

Катя поднимается и, пошатываясь, отходит, чтобы подобрать одежду. Натягивает сорочку молча. Я же не спешу одеваться. Как только в кистях стихает тремор, хватаю со столика сигареты. Подкуриваю на ходу.

– И... Почему ты сделал это сейчас? Что изменилось?

Конечно, она девочка неглупая. Понимает, что свои решения просто так не меняю.

Не собираюсь скрывать, что причины есть. Ведь они очень веские. Совершая несколько глубоких затяжек никотина, удерживаю ее взгляд.

– Если бы был другой путь, я бы никогда не вынудил тебя проходить именно этот, – начинаю издали, оттягивая момент сурового прозрения. Хочу, чтобы Катя уяснила, что я, несмотря ни на что, всегда буду блюсти ее интересы. – Нам обоим будет проще, если ты примешь это отстраненно, как работу. Не стоит подпускать слишком близко к сердцу.

– Да к чему ты, черт возьми, ведешь?

Вижу, что ее мой сдержанный и ровный тон не только не успокаивает, а заставляет еще больше волноваться.

– Завтра мы пойдем в клуб, где тебе, возможно, придется раздеться и принять участие в сексуальных играх.

– Ты... – в какой-то момент мне кажется, что Катя подбежит и треснет меня по роже. Подвох, конечно, искала, но явно не ожидала чего-то подобного. Глаза буквально выкатываются из орбит. – Ты в своем уме? Решил меня подучить? Поэтому все... Совсем больной, что ли?

– У меня нет ни времени, ни желания препираться с тобой, Катя, – начало не задается, потому как у меня самого нервы натянуты. Трещат и искрят, пока пытаюсь сохранять внешнее хладнокровие. Сделав еще одну затяжку, продолжаю жестче, четко расставляя акценты: – Первое – ты должна безоговорочно доверять мне. Делать все, что я скажу. И я обещаю, что выведу нас из этой ситуации с минимальными потерями. Никому не позволю причинить тебе боль и сделать с тобой что-то неприятное. Помню, что ты девственница, поэтому полного сексуального контакта тоже не допущу. Возможно...

– Да пошел ты в жопу!

– Возможно, – давлю интонациями, игнорируя вспышку ее гнева, – ничего делать не придется. Пока это лишь допущение, что нам нужно будет взаимодействовать с другими парами. Я постараюсь этого избежать. Но... Ты должна быть готова.

– Как к этому можно быть готовой?

– Достаточно просто доверять мне! – даже этот крик на самом деле выдаю с расчетом.

Катя вздрагивает и слегка сдает позиции, чего я и добивался.

– Как я могу доверять, если ты ничего не говоришь? Не доверяю хотя бы потому, что не понимаю, зачем ты это делаешь!

– Я ищу одного человека, – решаю выдать еще часть правды.

– И при чем здесь я?

– Шесть лет назад была инсценирована его смерть. Позже появилась информация, что он жив и находится в Европе. Сейчас мы точно знаем, что здесь, в Берлине. Завсегдатай того самого клуба, в который мы завтра отправимся. Только опознать внешне его невозможно. Хирург перекроил настолько, что родная мама бы не признала. Поэтому, возможно, нам придется посетить это заведение не один раз.

– Как тогда ты сам собираешься его узнать?

– У меня свои методы.

– Но при чем здесь я? – повторяет вопрос, на который я пока не могу ответить. Не думаю, что ей понравится, если скажу, что, будучи копией своей матери, она является живой приманкой. – Бери свою Элизу. Она точно не будет против!

– Мне нужна именно ты. И ты пойдешь. Так что все твои психи сейчас бесполезны. Пойдешь, и точка, – ставлю перед фактом, потому как времени на поиски других вариантов у меня действительно не осталось.

Уловив, что дело принимает неизбежный оборот, Катя всем телом содрогается, обхватывает себя руками и на мгновение неподвижно застывает. Смотрит мне в глаза в очередной попытке что-то там откопать. А я просто стою и невозмутимо держу эту штормовую волну, хотя внутри с не меньшей силой все бушует.

– Так, значит? – выдыхает убитым голосом. Я на это реагировать не собираюсь. Скользнув по ее лицу равнодушным взглядом, отворачиваюсь к окну. Только курю слишком часто, не скроешь этого. – А как ты сам на это смотришь? Готов, чтобы другой мужчина меня касался? Позволишь? Хочешь, чтобы я его трогала и делала то, что только для тебя... Хочешь?

Бьет неожиданно, и я пропускаю. Предельно точно прилетает в одну уязвимую точку, а трескается вся броня. Рассыпается, подрывая пластами крепкую сталь.

Весь вечер и всю ночь я держал мысли далеко от разрушительной визуализации. Все это время... После этих вопросов прогрузилось полное осознание, и вырвались чувства, которые я попросту не могу остановить на полпути. Звериным ревом они кричат внутри меня одно-единственное слово, которое меня же самого и оглушает.

МОЯ.

Незнакомое, сумасшедшее, собственническое, абсолютно бесконтрольное, чужеродное чувство. Оно вытесняет рассудительность и лишает всякого равновесия. Вместо них вытаскивает за собой несвойственную мне ревность. А

за ней еще и еще... Нечто такое, что я, здоровенный стокилограммовый мужик, не понимаю и в тот миг попросту опасаясь идентифицировать.

Как это запереть обратно?

Я уже видел Катерину в руках другого мужчины, когда ее пытались изнасиловать. Тогда прилетело нечто похожее. Но я ведь списал все на гнев, адекватное беспокойство, жалость и привычное желание защищать. Думал, что по большей части из-за сестры этот триггер сработал. В несколько приходов удалось все перекрыть и усмирить.

А сейчас как?

Когда смотрю на Катю, все внутри чернотой затягивает. Я, блядь, ревную ее одуряющими авансами и никак, мать вашу, не могу это остановить.

– Если готов, тогда отлично, – отзывается с дрожью и горечью. – Нет проблем! Я с удовольствием исполню твой долбанный приказ. Надеюсь, у тебя разорвётся сердце!

– Почему оно должно у меня разорваться, Катя? Это ведь ты меня любишь. Не я тебя.

Из ее глаз выкатываются слезы, но она быстро их сметает ладонями.

– Я от тебя бесконечно устала, Тарский... Сделаю это, только чтобы навсегда избавиться от твоего отравляющего общества! И... Я тебя ненавижу больше, чем люблю! Больше, чем это в принципе возможно! Больше, чем все на свете! Понятно тебе??? Знай это! Еще увидим, кто кого... Хотя я предпочла бы... Просто никогда-никогда тебя не знать... Никогда...

Убегает со слезами, а я испытываю облегчение только от того, что мне не нужно больше стоять перед ней и делать вид, что все это меня не задевает.

Задевает ли? Раскатывает, вашу мать.

Глава 6

Катерина

– Постарайся расслабиться, – произносит Таир, заглушив мотор перед старинным двухэтажным особняком.

Это не просьба. Скорее совет.

Чувствую, что смотрит на меня. Но сама к нему не поворачиваюсь. Нет сил смотреть в глаза. Едва собрала себя после вчерашнего. Боюсь, что любой контакт может спровоцировать новый эмоциональный взрыв.

Направляю взгляд на величественное здание с огромными асимметричными окнами. Никаких вывесок и прямых указателей на то, что здесь предаются каким-то порокам, не обнаруживаю. Стараюсь не воображать то, что меня ждет за этими стенами. Не думаю, что могу почувствовать себя хуже, чем есть сейчас.

– Катя? – окликает Тарский, так и не дождавшись от меня никакой реакции.

– Я тебя услышала, – проговариваю несколько отрешенным тоном.

Он открывает дверь, выбирается из автомобиля. А я продолжаю сидеть, планомерно втягивая сырой холодный воздух, который успел скользнуть в салон. Надеюсь, что он перебьет засевший на рецепторах аромат мужского парфюма.

Дверь с моей стороны открывается, и я практически вслепую вкладываю свою руку в протянутую мужскую ладонь. Физический контакт ранит: кожа вспыхивает и жутко саднит, кончики пальцев до онемения покалывают.

Сердце гулко отстукивает в груди.

Сосредоточенность на выживании скрадывает машинальную череду действий и шагов по направлению к зданию. Очнуться удастся лишь в фойе, где Тарский помогает мне снять пальто.

Приветливая улыбка администратора разбивает сформированный вокруг нас двоих вакуум. В ушах звенит с такой силой, словно я снова в том самом автомобиле во время аварии, где лопаются и крошатся стекла.

И я начинаю задыхаться, впервые полновесно принимая реальность.

Сердце резко толкается в ребра и, будто напоровшись на острые грани лезвий, разрывается. Пульсирующими сгустками разлетается по груди, каждый держится на тонкой ниточке и все еще передает боль работающей сердцевине.

Как я смогу сделать это? Как он может быть таким бессердечным?

Горячая ладонь Гордея прижигает голую кожу поясницы. Он уверенно шагает сам и твердо ведет меня по коридору, изысканную отделку которого я сейчас воспринимаю смазанно. Все еще пытаюсь восстановить нормальный ритм дыхания и сердцебиения, когда мы проходим через массивную резную дверь в зал, погруженный в атмосферу мягкого полумрака.

Подняв глаза, впечатываюсь взглядом в наше зеркальное отражение. Внешне я выгляжу как никогда идеально. Платье из нежного кремового кружева глубоким декольте красиво подчеркивает грудь и плавно стекает по бедрам до самого пола. Волосы я убрала в низкий воздушный пучок, оставив свободными лишь несколько локонов. Смотреть на лицо является ошибкой. Паника, которая на нем читается, поднимает температуру моего волнения до критического максимума. Инстинктивно отвожу взгляд и натыкаюсь на Тарского. Он, в отличие от меня, выглядит абсолютно спокойным. Расслабленным и уверенным, даже когда наши глаза встречаются, и внутри меня возникает дополнительное ноющее дребезжание.

Я задыхаюсь. Теряю остатки контроля. Мелко и выразительно дрожу, не в силах это больше скрывать.

Именно в этот момент Тарский прижимает вторую руку к моему животу и разворачивает к себе. Первым обволакивает его запах. Машинально прекращаю дышать, пока он сам не замещает собой все помещение. Опутывает своей силой, властью и огненной энергетикой. Затягивает в темные порталы своего мира. Падая, я громко вдыхаю, наполняя, наконец, горящие от недостатка кислорода легкие.

Ничего не говорит ведь. Просто смотрит, оцепляя мое сознание. Завладевает мыслями и эмоциями. Испытываю странное онемение, когда Таир вдруг наклоняется и накрывает мой рот поцелуем. Не загораюсь и не возбуждаюсь. Короткая яркая вспышка за ребрами, и тишина. Да и Гордей в своих действиях не углубляется и не задерживается. Сминая мои губы, лишь раз проходится по ним языком. Когда отстраняется, мне почему-то кажется, что он сам не планировал этот поцелуй.

По каким же причинам поцеловал? Еще и на виду у всех...

С нравами местной публики я, конечно, не успела ознакомиться, но кожей ощущаю, что мы привлекли внимание многих.

Это не главное.

Самое удивительное, я успокаиваюсь. Мысленно замираю в каком-то отрешенном состоянии, будто сам Таир мне своими действиями нечто значимое передал.

Мы садимся за свободный столик, и у меня появляется возможность оглядеться. Несмотря на мои опасения, обнаженных совокупляющих тел не обнаруживаю. Да и в целом обстановка не кажется вульгарной. Красивые утонченные женщины и интеллигентные ухоженные мужчины, так же, как и мы, сидят за столами, выпивают и непринужденно общаются.

На нас посматривают, но это не пристальное внимание. Скользящие заинтересованные взгляды не задерживаются дольше нескольких секунд. Гордей тоже откидывается на спинку дивана и беспрепятственно изучает присутствующих. Я же вхожу в очередной режим заморозки. Даже когда к нам подходит официант, ничего выговорить не пытаюсь. Тарский делает заказ за двоих. Вскоре нам приносят вино и какие-то закуски. Я к своему бокалу сначала боюсь прикоснуться, хотя во рту возникает такая сухость, что сглотнуть нечем. Растущий в горле ком забивает дыхание, и я решаюсь слегка пригубить. Но за первым глотком рассудительность перекрывает растущая потребность, и я в итоге осушаю весь бокал.

Зрение расплывается, когда к нашему столику подходит женщина. Пытаясь сфокусироваться, рассматриваю гладкий вишневый шелк ее платья в районе бедер и заторможенно вбираю слова, что она говорит.

– Вы в первый раз?

– Да, – грубоватый голос Гордея по каким-то причинам звучит мягче, чем обычно, и по моей спине сбегает озноб.

– Вот я и подумала, что если бы вы бывали раньше, я бы запомнила, – замечает девушка, тихонько посмеиваясь. – Могу я составить вам компанию? – нотки заигрывания на этом вопросе особенно выделяются, и я, захлебываясь резкой и неконтролируемой волной ревности, вскидываю взгляд вверх.

На лице женщины, которая оказывается старше, чем я предполагала, отражается замешательство, но она все же растягивает губы в улыбке и опускается рядом со мной на диван.

– Я ведь не помешала? Вы еще никого не выбрали?

– Нет. Мы пока присматриваемся, – отвечает ей Тарский, глядя при этом на меня.

– Тоже правильно. Я в свой первый раз так и не решилась на близость. А вот со второго... – девушка смеется, а я морщусь. – Меня, кстати, Нора зовут.

– Я – Йен, моя жена – Катрин, – называет Таир наши фальшивые имена.

– Вы давно женаты?

– Несколько месяцев.

– И уже здесь! Вау!

Как же меня раздражают ее болтовня и смех. В какой-то момент даже радуюсь, когда за наш столик подсаживается мужчина. Расслабиться у меня, конечно, ни на секунду не получается. Сажу в напряжении, но, по крайней мере, удастся достаточно ровно дышать.

Все меняется, когда лампы плавно гаснут, и вместо них вспыхивает красноватая подсветка. Некоторые пары выходят из-за столов, но не покидают зал, а направляются к лестнице, чтобы подняться на второй этаж. Оставшиеся же... Они вдруг принимаются снимать друг с друга одежду.

Через короткое мгновение, во время которого я слышу лишь отрывистый стук собственного сердца, одна из женщин ложится на стол в центре зала и принимает в себя сразу двух мужчин.

– Некоторым нравится, чтобы на них смотрели, – с хриловатым смешком комментирует происходящее мужчина, имя которого я не запомнила. – Это возбуждает больше, чем сам процесс.

Если мое сердце к концу этого вечера выдержит нагрузку, то тело наверняка утратит способность двигаться. Потому как я не могу ни пошевелиться, ни отвести взгляд. Деревенею. Коченею. Живу лишь внутренними процессами.

До этого момента обнаженным я видела только Таира. И, конечно же, мне никогда не доводилось наблюдать за процессом совокупления. Иначе назвать трудно, в этом нет никакой любви. Они даже не целуются. Рот женщины занят толстым членом шумно сопящего возле нее мужчины. С этим актом я успела познакомиться, но сейчас со стороны подобные ласки видятся мне крайне неприятными.

– Ну, так как? Не желаете присоединиться? – дерзко озвучивает Нора.

Я судорожно вздыхаю и стремительно веду взгляд к Тарскому. Едва сталкиваемся, без раздумий открываю душу.

Нет, пожалуйста... Нет...

Вслух я этого произнести не могу. Но так надеюсь, что он прочтет во взгляде. Прочтет и передумает, иначе я скорее умру, чем позволю подобному произойти.

Гордей ни на миг не меняется в лице. Вот только эмоции, которые удастся поймать в его взгляде, заставляют меня содрогнуться. Сердце мучительно переворачивается в груди и теперь уж точно разлетается на миллионы кусочков,

забивая этими разбухающими пульсирующими ошметками весь организм.

– Девочка стеснительная. Предлагаю подняться наверх. В одну из спален.

Глава 7

Катерина

Мы вернулись домой больше получаса назад, а меня до сих пор трясет так, что зубы стучат. В поисках какого-то успокоения забираюсь в ванну. Отмокаю долго, не желая выбираться, даже когда вода остывает. Тарский, конечно же, и тут не позволяет мне уединиться. Закрывается давно запретил, и я, зная его, не пытаюсь это требование игнорировать.

За время, которое нахожусь в ванной, сам Таир успевает принять душ и побриться.

Не знаю, зачем наблюдаю за ним. Не знаю, зачем продолжаю все это. Не знаю, что буду делать завтра, послезавтра, через месяц, через год...

Тарский не позволил этому произойти.

Сегодня.

Но что меня ждет завтра?

Не хочу, чтобы так было, но, вопреки всей боли и обидам, по-прежнему безоговорочно доверяю ему. И, похоже, это доверие становится каким-то ненормальным.

«Если я говорю «Не смотри» – ты закрываешь глаза. Если говорю «Не дыши» – ты прекращаешь дышать. Если говорю «Падай» – ты, мать твою, падаешь».

Именно так и происходит у нас. Таир своего добился. Я снова и снова падаю... Разбиваюсь. Не дышу, пока он не поднимет на руки и не посчитает нужным воскресить и исцелить.

Ведь сначала, когда тот мужчина, назвав меня стеснительной, предложил подняться в одну из спален, я чуть сознание от страха не потеряла. А потом вдруг подумала: да будь, что будет! И это нездоровое повиновение, вкупе с отчаянным желанием доставить Тарскому хоть часть той же боли, какую он приносит мне, испугало сильнее того, что может произойти. Потому что знаю, после такой мести я сама не выживу.

Сейчас же меня затапливает такое облегчение, что все эмоции притупляются. Нет, полностью все не уходит, но и нет больше того всепоглощающего ужаса.

Расслабляюсь и дышу достаточно спокойно.

Отбросив влажное полотенце, Гордей выходит из ванной полностью нагим. Много раз видела эту мощную машину, которая если и сойдет за представителя людской расы, то только за какого-то сверхчеловека. Много раз видела и все равно смущаюсь. Глаза оторвать, конечно же, не могу. С какой-то бессильной злобой завороченно слежу за тем, как эта гора мышц покидает ванную.

– Зачем ты сделал его таким идеальным? – прикрывая веки, сокрушаюсь, обращаясь непосредственно к Богу. – Хотя, скорее всего, не ты... Дьявол! Настрелять бы ему за это по рогам!

– С кем разговариваешь?

Конечно же, я не заметила, как сверхчеловек вернулся.

Резко распахиваю глаза, чтобы увидеть нависшего над ванной Тарского. Теперь на нем черные брюки и синяя рубашка. Присаживаясь на мраморный бортик, он зачем-то впивается в мое лицо взглядом.

– У меня вечерняя молитва, – фыркаю и раздраженно вздыхаю, проклиная свою чертову особенность – чуть что, краснеть в его присутствии.

– Не усердствуй.

Почему-то, как и всегда, его слова воспринимаются мною двусмысленно. С ответом нахожусь не сразу. Лишь пожав с видимым безразличием плечами, созреваю на то, чтобы выпалить:

– А я вполсилы не умею.

– Точно, – соглашается Гордей, продолжая изучать мое лицо и наращивая тем самым дурацкое волнение. – Либо чело в поклонах разобьешь, либо с бесами спляшешь.

– К счастью, знакома пока только с одним. С ним и пляшу между поклонами.

Тарский посыл, безусловно, улавливает. Не раз ведь его так называла. Понимает, что на него все стрелки перевела, но не желает комментировать. Впрочем, давно очевидно, что его мои шпильки попросту мало заботят.

– Ты умница, заяц. Хорошо сегодня держалась, – проговаривает медленно, не сбавляя подавляющей серьезности.

Мы оба знаем, что это неправда. Держалась я хуже некуда... Пару раз чуть коньки там не откинула! Но в его чертовом одобрении я теперь не нуждаюсь!!! Убеждаю себя так крепко, аж сердце по новой расходится, как бы между делом напоминая о своей целостности и впечатляющей живучести. Только это не значит, что я буду покорно умирать по пять раз на дню!

Сейчас предпочитаю промолчать. Не желаю спорить только потому, что все закончилось благополучно. Не хочу лишний раз ни увиденные мерзости воспроизводить, ни свои эмоции.

Все. Идем дальше.

Идем и спотыкаемся, когда Таир говорит:

– Сейчас отдыхай. Завтра повторим попытку.

Ну, естественно. Цель ведь еще не достигнута. А когда это Тарский свои дела до победы сворачивал? Сегодня он сказал этим извращугам, что мы еще не готовы. А в следующий раз что будет?

– Я видела, как ты забрал окурки, которые оставил этот мужик. Зачем? Неужели у тебя есть возможность проверить его ДНК? – Молчит, а молчание Тарского, как мы знаем, это всегда «да». – Кто ты такой, черт возьми?

Не в первый раз задаю этот вопрос, но ответа, конечно, не получаю. Я его в принципе и не жду уже.

– Я уйду. На вахте остается Федор. Если что, обращай к нему.

Молчу, словно мне все равно. По тому, что оделся, ведь уже догадалась, что собрался куда-то среди ночи.

И пусть... Плевать.

– Конечно, – выдыхаю, потому как он, похоже, ждет какой-то реакции. – Война продолжается, – заключаю сердито. Но он и после этого не уходит. Вот чего ему сейчас надо? Зачем сообщать об уходе и продолжать сверлить меня взглядом? – Ты идешь? Вода остыла, я замерзла.

– Выбирайся, – невозмутимо отбивает. – Или тебе помочь подняться?

Безусловно, какое-либо стеснение после всего, что было, не имеет никакого смысла. И все же мне неловко вставать, когда Тарский так пристально наблюдает. Только злость и выталкивает. Поднимаюсь и, не глядя на него, перешагиваю бортик. В спешке свалилась бы, он придерживает. Не благодарю, наоборот, отталкиваю и хватаю с крючка махровый халат. Набрасываю прямо на мокрое тело и опрометью вылетаю из ванной.

Пока одеваюсь, слышу трель звонка, и вскоре из прихожей доносятся приглушенные голоса. Решаюсь выйти только после того, как дверь хлопает второй раз.

– Привет!

Собиралась, не дожидаясь Гордея, уйти спать. Однако Федор своей улыбкой пробуждает внутри меня тоску, которую я в своей груди пригрела, как змею. Захлебываясь одиночеством, мечтаю с кем-либо спокойно поговорить, хоть и понимаю, что Федя, каким бы милым и любезным ни казался, с Тарским заодно.

– Не улыбайся!

В ответ на это обиженное требование мужчина смеется и шагает ко мне.

– Кто тут у нас не в настроении?

– И прекрати со мной разговаривать, как с пятилеткой! Кстати, твой акцент ужасен!

– Прискорбно, – неизменно строит из себя добряка.

– Что именно?

– То, что ты злишься на меня.

– Будто тебе не все равно... – ворчу и зачем-то усаживаюсь на диван, словно собираюсь задержаться.

– Нет, не все равно, – Федор опускается в кресло напротив. – Я, в отличие от брата, понимаю, что с тобой лучше дружить.

– Не напоминай о нем. Дай отдышаться свободно.

– Как скажешь, Катрин. Хочешь, посмотрим что-нибудь по телевизору? – бросает быстрый взгляд на часы, стрелки которых перемахивают полночь. – Или ты устала?

– Не знаю... – неуверенно отвечаю я. – Устала, но... Честно говоря, я голодная.

– Прекрасно! Не могу упустить возможность продемонстрировать свой кулинарный талант.

– Ты умеешь готовить?

Смотрю Федору в спину, так как он уже направляется в кухонную зону.

– Целых три блюда. Омлет, глазунью и манную кашу.

– О, впечатляюще!

– На самом деле да. Ты не представляешь, как сложно в первом варианте не сжечь низ. Сохранить желтки целыми и жидкими – во втором. А в третьем – приготовить эту бесячую крупу без комков. Последнее вообще высший пилотаж!

– Нет, не представляю, тут ты прав, – со вздохом сажусь за барную стойку. Подперев ладонью лицо, лениво наблюдаю за тем, как Федор достает из холодильника яйца и ветчину. Сама-то я вообще ничего не умею. К плите подхожу, только чтобы вскипятить чайник. – Почему Тарский такой непрошибаемый? Расскажи о нем хоть что-нибудь... – выдаю вдруг и тотчас замолкаю.

Федор слегка хмурится, но от ответа не уходит.

– Думаю, тип характера такой. Не подвержен сильным эмоциональным колебаниям. Собранный, уравновешен, целеустремлен. Фокусируется на том, что имеет первостепенную важность. Жестокость без крайней нужды не проявляет.

– Тоже так думала. Раньше, – с горечью делюсь своими личными наблюдениями. – Сейчас вижу немного иначе.

Федор молча взбивает яйца, что-то к ним подмешивает, ставит на плиту сковороду, ждет, пока та разогреется, выливает смесь и только после этого вновь смотрит на меня.

– Сложно объяснить, Катя. На самом деле сложно. Сейчас ты не понимаешь, но значишь для него больше, чем думаешь. Больше, чем я сам мог когда-либо предположить.

Многим позже я лежу в кровати и без конца прокручиваю в голове то, что услышала. Никак эти слова не натянешь на то, что вижу я сама. На то, как поступает Гордей, и какие жестокие вещи порой говорит.

«Это ведь ты меня любишь. Не я тебя».

Сердце раз за разом сжимается и кровоточит, когда эти слова воспроизвожу. Тут никакого многоточия не поставить. Никаких запасных вариантов не обнаружить. Никакой надежды не отыскать.

Но я, как ни стараюсь, не могу свои чувства просто взять и выкорчевать. Засело настолько глубоко, что невозможно иссечь, не травмировав окружающие волокна. Может, оно как-то само со временем иссохнет и превратится в черствую точку, с которой можно прожить до так называемой старости?

Нужно просто перетерпеть. Нужно.

Скоро все закончится.

Я уеду, и мы больше никогда-никогда не пересечемся. Никогда не увижу суровое лицо Тарского. Не поймаю пронизывающий и будоражащий взгляд. Не услышу сильный голос и его неподражаемое, грубоватое и требовательное «Катенька».

Только почему от одной мысли об этом мне становится еще хуже?

По спине слетает дрожь, когда улавливаю за спиной тихие шаги. Пока Таир раздевается, не разворачиваюсь и никак не выдаю того, что еще не сплю. Матрас пружинит и, мелко вибрируя, посылает по моей коже новую волну мурашек.

Одеяло натягивается, и я машинально задерживаю дыхание. Не то чтобы у меня есть возможность не дышать на протяжении всей ночи. Думаю, что таким образом можно подготовиться, прежде чем дыхательные пути и сами легкие заполнит мужской запах.

– Дыши, Катя.

Нет, не срабатывает. Обволакивает и кружит голову.

– Откуда ты знаешь, что я не сплю? – спрашиваю, оборачиваясь.

Ничего не могу с собой поделать. Пытаюсь рассмотреть его лицо в проникающем через окна слабоватом лунном свете. Гордей лежит на спине, закинув одну руку за голову. Спустя пару секунд скашивает только взгляд, оставаясь в том же положении.

– Во сне ты не напрягаешься, не дрожишь и не задерживаешь дыхание.

Слабо киваю, не зная, что ответить. Продолжаю смотреть, даже когда он закрывает глаза.

– Спи, Катя.

– Угу.

– Не угу, а спи.

Шумно перевожу дыхание.

– Пусть тебе приснится какая-нибудь жесьть!

– И тебе сладких снов, Катенька.

Глава 8

Таир

Зашит изнутри. Только при взгляде на Катю эти швы воспаляются и кровят, норовя разойтись.

Странно.

Держу сердце и дыхание в одном ритме. Мысли фильтрую. Думаю лишь о том, что важно и очень важно – отстраненно и строго по фактам. Переработанные и бесполезные эмоции густыми потоками стекают по венам.

Я спокоен. Мрачен и предельно свободен. Сосредоточен исключительно на работе, на скорейшем ее завершении и благополучном возвращении Кати на родину. Облажаться, как никогда, прав не имею. Никому другому перепоручить царевну не позволю. Ни флегматику Янушу, который впервые поставил под сомнения мой профессионализм и вздумал тянуть одеяло на себя. Ни добряку Федору, который в критических ситуациях способен принимать сомнительные решения. Ни честолюбивой Элизе, которая при выполнении задания умеет действовать крайне жестоко. Никому.

Не думал, что когда-нибудь выстрою барьер между собой и семьей. Но сейчас именно это и происходит. Огородился. Более того, достаточно хладнокровно принимаю этот факт.

«Комнату» вчера посетили в третий раз, пока без результатов. Но и это меня не беспокоит. Знаю, что рано или поздно Потоцкий появится. И реакция на Катерину будет. Не может не быть. Изученные материалы не оставляют сомнений: связь с Ириной Волковой была не простой интрижкой. В угоду каким-то чувствам, оба поставили под угрозу не только свои семьи, но и жизни. Ими, собственно, и расплатились. Только Потоцкому удалось залатать раны, перекрыть рожу и под новой личиной продолжить отравлять мир.

Изначально возникали предположения, что Катя может быть вовсе не Волковой, а Потоцкой, настолько давней и затяжной оказалась эта связь. Но сравнение ДНК, которые были проведены нашими экспертами, опровергли эти подозрения.

Волкова она, хоть внешне ничего от старого хрена не взяла. Кровь его.

Ядовитая моя Катенька. Мать ее...

– Доедай и отправляйся в спальню. Сегодня выходной, – сообщаю за ужином.

Катерина смотрит, сжимая столовые приборы до белизны в костяшках, словно готова воткнуть их мне в грудь.

– Почему сразу не сказал?

Потому что не знал. Выдал решение на этапе формирования. Сам не понял, как и зачем подобное принял, если сроки и без того горят.

– Таи-и-и-р-р? – рычит сквозь зубы. Со звоном бросает на тарелку нож. Чуть позже вилку. Я спокойно за этим наблюдаю, проглатываю пищу и тянусь за стаканом с вишневым соком. Медленно отпивая, слегка морщусь. Но не от этой кислоты, а от верещания царевны. – Ты собираешься отвечать? – так и не дождавшись какой-то реакции, подскакивает и будто пружина выстреливает из-за стола. – Нравится держать меня в постоянном напряжении? Я целый день до вечера на нервах нахожусь! Ты специально это делаешь?

Поднимаюсь и собираю тарелки. Знаю, что Катерина убраться не додумается. Хотя пора бы уже научить ее элементарным вещам.

Сложив посуду в раковину, возвращаю к ней взгляд.

– Иди сюда, Катя.

Она колеблется, но недолго. Надо отдать должное, то ли смелость ее подгоняет, то ли любопытство, всегда идет, когда зову.

Замерев на расстоянии нескольких шагов, задирает подбородок и с вызовом смотрит в глаза.

– Что тебе надо?

– Хочу, чтобы ты вымыла эту посуду.

Ее лицо в течение нескольких секунд выражает едва ли не большую степень шока, чем в первый день в «Комнате», когда на ее глазах даме засадили сразу два члена.

– С ума сошел? Я не умею... И учиться не хочу...

– В этом нет ничего сложного, – поймав за запястье, подтягиваю девчонку к раковине. Приставив вплотную, фиксирую сзади своим телом. Она вцепляется пальцами в край тумбы, замирает и прекращает дышать. А у меня, блядь, несмотря на все пристрелянные мантры и профпримочки, срабатывает та часть тела, которую рядом с ней никак не удастся контролировать. Конечно же, Катя это чувствует. Громко выдыхая, еще сильнее напрягается. – Открой кран. Возьми губку. Смочи ее в воде и налей чистящее средство.

– Не буду, – дрожит сердитым шепотом. Соппротивление у нее в крови, никак иначе. – Я тебе прислуживать не нанималась!

– Не надо мне. За собой убери, царевна, твою мать!

– Сам убирай!

Первым из скрипучих железных оков вырывается гнев. Сам не знаю, какими обходными путями это происходит. Просто срывает петли, и меня уже несет.

Бью пальцами по рычагу смесителя. Катя вздрагивает и что-то пищит, до того как вода с шумом ударяется по металлическому дну раковины. Грубо подцепляя ее руку, шмякаю в насильно раскрытую ладонь губку.

– Таи-и-и-р-р...

– Молчи, – рявкаю над девичьей головой.

Стискивая хрупкую кисть, подставляю ее под ледяные струи. Улавливаю шипящий вдох, а после него начинается по-настоящему одуряющая возня. Чтобы налить чистящее средство, приходится сжать царевну со всех сторон. Одной рукой сдавливаю ладонь с губкой, второй без какого-либо чувства меры хлещу на нее зеленый ароматизированный гель.

– Идиот... Пусти... Сейчас же... – в яростных попытках отпихнуть Катя верещит, толкается и отчаянно вертится. Пальцами свободной кисти вцепляется мне в предплечье. Неистово скребет кожу ногтями. – Козел... Тупое животное... Ты

сломаешь мне руку... – помимо этих слов, захлебывается какими-то гортанными звуками и громко взбивает надсадным дыханием воздух. – Таи-и-и-р-р... – прорывав последнее, поворачивает голову и вгрызается мне в бицепс зубами.

– Твою мать... Катя! Уймись ты! – уверен, что под рубашкой след оставляет.

– Сам уймись...

Разбрызгиваемая резкими движениями и рывками вода летит во все стороны, щедро орошая ледяной влагой нашу одежду, руки, лица и волосы. Кожа стынет, но внутри ведь все огнем полыхает. И на этом контрасте трясет уже не только Катю. Меня самого едва заметно, но пробирает.

Кто-то должен это прекратить, и этот кто-то, безусловно, как и всегда, я. Только я в какой-то момент сам захлебываюсь. Настолько глубоко ухожу, дна не ощущаю. Не от чего оттолкнуться. Не за что зацепиться.

Будто действительно с ума сошел.

Не могу ее отпустить.

НЕ МОГУ ЕЕ ОТПУСТИТЬ.

Что, если эта уборка и стремление приучить к какому-то порядку – только повод? Да быть такого не может! На хрена мне это нужно?!

Оторвав от своего предплечья тонкие озябшие пальцы, втискиваю в них тарелку. Только Катя ее, конечно же, без раздумий разбивает. Замахивается и швыряет в угол раковины. Слух забивает звенящим грохотом вперемешку с диким девчачьим визгом. Осколки летят непосредственно на нас, и я, стискивая Катю, отшагиваю вместе с ней назад.

Разворачивая к себе лицом, встряхиваю с такой силой, что у нее несколько раз клацают зубы.

– Что ты творишь? – неожиданно для самого себя ору до надрывной хрипоты.

Катерина всхлипывает. У нее дрожат губы, но она упрямо задирает голову и, не сбавляя оборотов, смотрит мне в глаза.

– А ты? Что делаешь ты?

Ответа у меня, как и у нее, нет. Только нехарактерная кипучая ярость. Затапливает по самую макушку. Обжигая слизистые, ощутимо и выразительно затрудняет дыхание. Моя грудь на каждом вдохе берет высокие рывки. Но Катина, маячащая под мокрым сарафаном округлостью и торчащими сосками, интересует меня гораздо больше.

Гораздо больше, чем я в принципе могу себе позволить.

Горячей волной накатывает отупляющая похоть. Слепит глаза. Перекрывает остатки трезвых мыслей. Сворачивает сознание.

Не вижу иного выхода, кроме как промолчать, задушив в себе все слова. По-скотски ухожу. Дверь в ванную притягиваю с яростным грохотом. Жаль, нет задвижек, способных меня в случае чего удержать. Одна надежда на то, что удастся втихую перегореть и восстановить равновесие.

Твою мать, Катенька...

Резкими движениями срываю с тела мокрую рубашку. Не глядя, отбрасываю и упираюсь ладонями в мраморную столешницу. Избегая зеркал, склоняюсь над раковиной и медленно цежу сквозь стиснутые зубы воздух.

Поток эмоций не то чтобы не утихает... Выкатывает больше и больше.

Вчера, чтобы не вызывать подозрения, пришлось прибегнуть к помощи Януша и Элизы. Они, под видом незнакомой семейной пары, подсели к нам за столик ближе к закрытию «Комнаты», когда шансы на обнаружение объекта оставались мизерными. Выждав еще пятнадцать минут, мы поднялись вчетвером в один из номеров. Оказавшись в замкнутом пространстве вульгарной бордово-золотистой коробки, «весельчак» Януш предложил даже раздеться, чтобы время быстрее прошло. Шутку оценила лишь Катя. Рассмеялась нервно и предупредила, что после этого серьезно его воспринимать не сможет, какие бы умные речи он

позже не толкал.

Не то чтобы я рассчитываю выкручиваться подобным образом каждый раз. По возможности берегу ее, но при этом помню цель нашего нахождения в Европе.

Она не моя.

ОНА НЕ МОЯ.

Я не из тех ушлепков, что живут инстинктами и руководствуются желаниями. Это, совершенно очевидно, просто какой-то временный сбой. И позволять чему-то подобному собой управлять я не намерен.

Раньше, когда возникали первые звоночки, и что-то внутри меня гулко щелкало и протестовало против того, чтобы к Катерине прикасался кто-нибудь кроме меня, думал, что это побочка той чертовой, все еще непонятной для меня привязанности. Какое-то гипертрофированное стремление защищать ее от каждой ебаной твари. Поздно осознал, что эти чувства перемахнули во что-то нездоровое.

Я, блядь, не супергерой, и она мне никто.

Возможно, проблема в том, что к Кате никто, кроме меня, не прикасался. Допускаю подобную мысль. Сепарирую. Оставляю лишь самое важное. Выношу задачу – отпустить.

Дышу на разрыв.

Дышу.

Держу волну.

Держу.

Натыкаюсь взглядом на ряд фигурных баночек-скляночек.

Вдыхаю. Выдыхаю.

Медленно веду глазами дальше. Выцепляю цветное кружево на змеевике.

Вдыхаю. Выдыхаю.

Сердце выбивает в груди дыру. Растекаясь магмой по периметру, плавит остатки монолитной стойкости.

Не соображая, что творю, выпрямляюсь и шагаю обратно к двери.

Глава 9

Таир

Ловлю себя уже на пути в кухонную зону. Ловлю мысленно, но не останавливаю. Склоняясь, выдыхаю всю злость Кате в затылок. Стоя у раковины, она не успевает обернуться. Лишь испуганно визжит, когда выбрасываю руки и повторно блокирую ее у злосчастной тумбы.

– Я все сделала! Убралась! – выкрикивает с неким отчаяньем, как только разворачиваю к себе лицом.

Но меня это больше не интересует. С душой нараспашку, едва притрагиваюсь, теряюсь в ощущениях, воспоминаниях, живучих образах и желаниях. Стискивая руками талию, поднимаю и опускаю на столешницу. Сминаю пальцами мокрую ткань сарафана, Катя даже не удосужилась переодеться. Хрипло выдыхая, веду ладонями по часто вздымающейся груди. Сдергивая вниз лиф, оголяю упругую и подрагивающую плоть с напряженными вишневыми сосками.

– Боже, Гордей... – этот шепот походит на задушенный стон. – Что ты делаешь?..

Кто бы мне ответил... Просто действую.

Снова пропускаю тот внутренний толчок, который вынуждает наклониться и завладеть ее губами. Принимаю по факту, когда Катя уже открывается и с тихим всхлипыванием впускает мой язык. Оказавшись в сладкой теплоте ее рта, жадно захватываю дурманный вкус.

Сознательно задыхаюсь. Сознательно захлебываюсь. Сознательно отравляюсь.

Скольжу вокруг ее ядовитого язычка, по всей полости нежного рта, пока она не начинает сама ко мне жаться. Тогда устремляюсь ниже. К шее, по ключицам, упругой мягкости груди. Сминаю тонкую кожу, кусаю, прихватываю губами сосок. Всасываю со всей дури, которую, по всей видимости, храню в себе лишь для этой маленькой смертоносной девочки.

– Зачем ты трогаешь меня? – мычит и задыхается над моей головой Катерина.

Машинально прихватываю пальцами ее шею. Вытягивая, фиксирую, пока веду губами обратную дорожку к лицу. По пути действую не менее агрессивно. Оставляю на чувствительной коже кровоподтеки. Несколько раз прихватываю зубами острый подбородок.

Катя дрожит настолько, что ловить ее тело приходится. Вызывает желание сжать до хруста, закрепить в неподвижном положении и отогреть. Только она сама еще не определяется с действиями: то стучит по моим плечам кулаками, то ласково гладит ладонями, то притягивает к себе, то снова отталкивает и дальше кричит:

– Если ничего не значу, зачем трогаешь? Зачем?

Игнорировать этот надрыв невозможно.

Отрываюсь.

Выпрямляюсь, но не отпускаю.

Сталкиваемся взглядами. Дышим внатяжку. С нахлестом. Не успевая выдохнуть, жадно вдыхаем.

Запах ее ловлю и клубящийся вокруг нас дурман.

– Затем, – давлю интонациями.

– Рвет тебя, да? – обличает натянутым хрипом. – Признайся! Признайся...

Затыкая ладонью ее рот, выдергиваю из петель череду мелких пуговиц и стаскиваю с дрожащего тела мокрый сарафан. Не прекращая трогать, ощущаю, как разогревается Катина кожа. Она по мне своими ладонями все это время тоже елозит. Мычит какую-то дичь, желая освободиться. Но я не хочу, чтобы она сейчас говорила. Не позволяя увернуться и отдернуть ото рта свою руку, крепко прикладываю затылком к навесному шкафчику. Тогда эта дьяволица, сверкнув глазищами, высовывает язык и касается им моей раскрытой ладони. Сладко замуриваясь, скользит зигзагами и кругами.

Лижет кожу. Прикусывает. Снова лижет.

Высекает искры. Кипучей волной с головы до пят окатывает. Ноги, мать вашу, слабеют. Да что там... Весь костно-мышечный корсет в подтаявшее желе превращается.

Выдаю реакции, содрогаюсь всем телом. Склоняясь, словно прилетело в солнечное сплетение, с грубым матом отдергиваю ладонь.

– Признайся... Признайся... – шелестит царевна, закидывая руки мне за шею. Прижимается грудью к моей груди. Кожа к коже. Влажно. И уже горячо. Током шмалит. – Чувствую... Ты меня... Гордей...

– Молчи, сказал.

– Не буду... Не буду... Ты меня тоже... Тоже...

В непрекращающейся возне и пререканиях сдергиваю с нее трусы. Оставляя полностью голой, снова отстраняюсь и застываю, удерживая руками за плечи, чтобы насмотреться. Пожираю взглядом подрагивающую грудь со сморщенными сосками, подернутую мурашками кожу, плавные изгибы, бесстыдно раздвинутые бедра. Упираясь пятками в шкафчик, она пытается свести их. Я не позволяю.

Придвигаясь, блокирую ладонями.

Поднимая залитые похотью глаза к Катиному лицу, распускаю ремень.

– Я буду кричать... – сообщает на выдохе, глотая гласные.

– Будешь, конечно.

Стянув брюки и белье, подтаскиваю ее к самому краю. Расчетливо вынуждаю хвататься за себя руками, чтобы не свалиться. Взяв в руку член, приставляю его к ее промежности. Визуально прослеживая, раскрываю влажную розовую плоть. Нет, не собираюсь лишать ее девственности. Существует масса других способов получить удовольствие. Не собираюсь и вдруг напирать, вталкивая в нее всю, мать вашу, головку. Катя громко и болезненно вскрикивает. В попытках ослабить давление, вновь инстинктивно упирается пятками в шкафчик и руками мне в плечи. Приподнимаясь, вытягивается надо мной полусогнутой дрожащей струной. А я замираю у той самой преграды, которую рушить не должен. Смотрю то вниз на свой член между ее половых губ, то в ее изумленное лицо. Забываю все разумные доводы, которые сам себе ежеминутно втираю.

Твою ж мать...

Сражаясь с волной безумной похоти, с хриплым стоном прикрываю веки.

Тяжело отступить, потому как внутри горит порыв не просто очередную разрядку получить. Нет, как ни торможу себя, ощущаю непреодолимую потребность лишить царевну невинности. Снести этот барьер. Ворваться в желанное тело. Пометить собой. Запятнать. Присвоить на пожизненное.

Это дикое стремление туманит сознание и шумным приливом распространяется по всему организму. Подавляя нервную систему, словно неизведанный вирус, задает телу команды, инициирует произвольные движения и мышечные сокращения.

Меня натуральным образом лихорадит. Изнутри и снаружи.

Сносит все блокпосты.

– Оттолкни меня, – сиплю на выдохе, прижимаясь к Катиному лицу.

– Ч-что?

– Давай! – рявкаю так, что она вздрагивает и выходит в новый круг затяжной дрожи. – Не позволяй мне. Отталкивай!

– Ты ненормальный! – кричит и с силой бьет меня в плечи ладонями.

С густым и горячим вдохом подаюсь назад, освобождая ее тело. Изнутри, но не снаружи. Закрывая поцелуем рот, скольжу к промежности ладонью. Долго ласкать не приходится. Спустя несколько минут Катя с замученным криком взрывается. Разлепив веки, наблюдаю за тем, как заходится до хрипоты и икоты. В попытке сжать бедра, стискивает ими мою руку и еще ярче содрогается.

Не думал, что это может так откликаться. Каждый раз острее и острее. На грани боли и неприятия хочу ее. До дрожи, головокружения и перманентной тошноты.

Позволяя совершить лишь несколько полноценных вдохов, вновь завладеваю истерзанными губами. Катя замученно стонет, но поддается. Даже как-то отвечает. Раскатываю по члену ее смазку. Вся кисть в ней. В воздухе тоже она. Забивает дыхание. Взрывает восприятие. Веду ладонью вверх-вниз, сжимаю головку, и обратно. В считанные секунды довожу себя до пика.

Но удовлетворение является непродолжительным. Стоит отстраниться и пройтись взглядом по обнаженному дрожащему телу Кати в брызгах моей спермы, словно ненасытный зверь, ловлю новый приход голода.

Мать вашу...

Глава 10

Таир

Вдали над горизонтом замирает красноватое зарево восходящего солнца, но видимость сохраняется слабая. На гравий с тонким звоном осыпаются гильзы. После второго выстрела машинально отщелкиваю початый магазин и резким прямым движением вставляю полный. Только после этого возвращаю пистолет в наплечную кобуру.

– Я думал, ты решил оставить их на десерт, – лениво протягивает Януш и приседает, чтобы собрать отстрелянные гильзы.

– Палец соскользнул, – мрачно иронизирую я.

Шагаю к неподвижным мужским телам. Под ботинками тихо шуршит гравий. Над головой с верхушек высоких тополей без устали каркают вороны. Прислушиваюсь, фильтруя звуки на естественные и нежелательные. Дыхание не улавливается, но я все же нащупываю артерию на шее одного, затем второго. Убедившись, что пульс у обоих отсутствует, без каких-либо эмоций прохожусь по карманам.

– Есть что-нибудь интересное? – опускается рядом Януш.

– Есть. Собери в пакет, – бросаю телефоны, карманную записную книжку, документы и пейджер. – Будем «оформлять», пока не рассвело.

– Правильная зачистка – превыше всего, – припоминает Ян нараспев слова, которые нам внушали многие годы назад.

Дома, едва переступив порог, застаю Катин задорный писк и звонкий смех. Понимаю внезапно, что давно этого не слышал. Неосознанно торможу, чтобы вобрать подольше. Знаю ведь, что при мне сразу скиснет.

– Оно брызжет... А-а-а... Мне страшно... Ох... Точно над сковородой разбивать? А-а-а... Ой... Целое! Не растеклось! Получилось! Ай-ай! Зараза... – звучит вперемешку со смехом.

Проседаю в вязкой топи эмоций. Поглощает медленно, но уверенно. Сантиметр за сантиметром. Пока не смыкается над головой. Все внутренние процессы ускоряются, но силы своей не теряют. Сохраняя относительно ровное дыхание,

неторопливо шагаю в сторону кухонной зоны.

Катерина стоит у плиты, Федор за ее спиной, сжимая плечи, удерживает ее на месте и вместе с ней смеется.

– Не бойся. Давай. Ну же! Еще одно, амазонка.

Катя морщится и ударяет ножом по скорлупе. С причитаниями неловко высвобождает содержимое и отправляет на шкворчащую сковородку.

– Доброе утро, брат, – замечает меня Федор.

– Доброе, – угрюмо отбиваю я.

Как и предполагал, при виде меня настроение девчонки кардинально меняется. Смех стихает. Улыбка медленно вянет. Напоровшись взглядом, отступает незамедлительно и осторожно, будто от колючей изгороди под напряжением. Отворачиваясь, подходит к раковине, якобы затем, чтобы вымыть руки. На самом деле полностью меня игнорирует, даже не здоровается.

– Учю Катю готовить, – благодушия не теряет лишь Федор. – Позавтракаешь с нами?

– Не голоден, – бросаю в ответ и направляюсь в ванную.

Разговор и суета на кухне возобновляются еще до того, как я закрываю дверь. Без лишних рывков избавляюсь от одежды и становлюсь под теплые струи. В душе, как правило, позволяю себе больше, чем в реальном движении мира. Думаю о Кате совсем не так, как должен. Закрывая глаза, представляю... Нет, был период, когда и против этого протестовал. Но в какой-то момент, не видя другого выхода, поддался этой слабости. Смирился с ней. Сжился. Пристрастился, пока не понял, что этого становится мало. Критически мало.

Сегодня давлю всплывающие образы. Без того разболтан. В связи с этим заканчиваю быстрее обычного. Обернув бедра полотенцем, выхожу из ванной и направляюсь напрямик в спальню.

Едва успеваю натянуть штаны, в дверь стучат.

– Входи.

Не испытываю разочарования, когда в спальню входит Федор.

Конечно, нет.

Мать вашу...

– Чего тебе?

– Катя поделилась мечтой научиться кататься верхом. Я подумал, может, в следующий раз свозить ее на ипподром? Завтра, например? Что скажешь?

Случайным образом так плотно стискиваю зубы, что эмаль скрипит.

«Катя поделилась мечтой...»

Вашу мать, блядь...

– Не думаю, что это безопасно.

– Да почему? – искренне недоумевает Федор. – Не опаснее, чем гулять по городу. Я бы даже сказал...

– Сегодня готовка, завтра ипподром, – резко перебиваю его. – Что за херня, брат? Дальше что? – непреднамеренно шагаю ближе, словно собираюсь подавлять не только словом, но и делом. – Может, у тебя какая-то личная игра? Так ты не заиграйся, – выдаю тише и жестче, чем должен.

Федор растерянно замирает. Смотрит на меня, не мигая. По лицу стремительно расползаются красные пятна.

– Какая игра? – уточняет, как только удастся справиться с замешательством. Тянет лыбу во все лицо. – Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав[3 - Юпитер,

ты сердишься, значит, ты не прав – впервые встречается в одной из древних сатир Лу-киана. Обычно адресуется тому, кто излишне горячится в споре, показывая тем самым, что, помимо эмоций, у него нет никаких доказательств своей правоты (шутл. – ирон.).], – прибегает к своей любимой древней философии, не гнушаясь цитатами. – Совсем несвойственная для тебя реакция.

Капитан Очевидность, блядь.

– Не додумывай того, чего нет, Федя. С чего мне сердиться? Предупреждаю тебя. С Катей... – прочищаю горло и зачем-то понижаю голос. – С Катей следует быть осторожным.

– Осторожным?

В какой-то момент кажется, что брат готов рассмеяться, и если это так, я готов врезать ему по лицу.

– Ты слышал, что я сказал. Повторять не собираюсь.

– Может, хочешь просто поговорить?

– О чем, блядь?

– О чем-то, – разводит руками, будто животрепещущие темы находятся в воздухе. – Знай, что я всегда готов выслушать.

Прищурившись, смотрю на него, как на малохольного.

– У меня нет потребности что-то с тобой обсуждать. Так достаточно понятно?

– Окей, – поднимая руки, выставляет их ладонями наружу. – Усек, – быстро и легко соглашается, словно действительно не видит смысла спорить. Но потом под нос себе бормочет: – Значит, позже.

Сглатываю и плавно перевожу дыхание.

– По поводу ипподрома, – возвращаюсь к первоначальному вопросу. Снова сглатываю и загребая крупный глоток воздуха. – Если она хочет, можешь организовать, – по каким-то причинам это решение дается труднее, чем я мог себе представить подобную ерунду.

– Отлично, – сцепляю зубы, потому как довольная рожа Федора неожиданно еще сильнее меня раздражает. – Тогда до завтра. Я ведь не нужен вечером? Вы идете вдвоем?

– Да. Ты свободен.

По пути к выходу машинально нахожу глазами Катю. Она сидит на ковре у низкого журнального столика и что-то пишет.

– До завтра, Катрин!

– Пока, Федя! – быстро мажет взглядом от меня к Федору. Улыбается ему и, махнув на прощание рукой, возвращается к своему занятию.

Не то чтобы я собираюсь с ней о чем-то разговаривать, но, закрыв за братом дверь, иду в гостиную. Нависаю тенью над столом. Катя замирает, но головы не поднимает. Перекатывая в руках карандаш, заметно нервничает в ожидании того, что я ей скажу. Я же с некоторым удивлением стопорюсь взглядом на бумаге, по которой пару секунд назад она шуршала грифелем.

– Что это? – спрашиваю на автомате.

Блядь, вот обязательно ей постоянно на полу сидеть?

Твою мать...

И все равно, как долбаный мазохист, жду, когда поднимет голову и посмотрит мне в глаза.

– Это конь, – поясняет обиженным тоном.

Да я не спрашивал, кто именно. Изумился тому, что она в принципе рисует.

– Ну, положим, пока только полконя, – поправляю, за каким-то хером орудую нехарактерным мне сарказмом.

– Сам ты... – возмущаясь, вскидывает-таки взгляд. И тут же теряется, замолкая. Краснея, резко и шумно вдыхает. У меня точно так же естественный процесс вентиляции вызывает неестественные трудности. Какие-то важные клапаны перекрывает. Легкие сворачивает. А заглатываемый воздух в горле штырем встает. – Я только начала. Федор, как услышал, что моя мама художник, альбом подарил.

Опять Федор.

Принимаю это спокойно, только за грудиной какое-то расхлябанное месиво огнем загорается.

– Будь готова сегодня вечером к половине девятого.

– Хорошо, – буркнув, утыкается обратно взглядом в стол.

Еще какое-то время нависаю, рассматривая. Не укрывается от меня, конечно, ни то, как Катя нервно стискивает пальцы, ни то, как часто вздымается ее грудь. Снова без лифчика, что ли? Словно в ответ на мой вопрос, ее кожу стягивает дрожь, и через ткань футболки остро проступают соски.

Отворачиваюсь и ухожу в кухонную зону.

Подальше от царевны. Туда, где не заденет. Ни образом, ни запахом.

Черт возьми...

Все еще слишком отчетливо помню, что почувствовал вчера, когда почти ворвался в ее тело. Шелковую влажность. Тугой жар. Болезненное сопротивление. Одурающую похоть.

Вашу мать...

Что за чертовщина?

Глава 11

Катерина

Кажется, что происходящее должно примелькаться и с каждым последующим визитом вызывать меньшую степень изумления и неприятия. Но в случае с «Комнатой желаний» регулярность почему-то работает иначе. Раздражителями становятся абсолютно все: и специфическое освещение, и знакомые лица, и навязчивая фоновая музыка, и приглушенный гомон томных голосов. Детали незначительные, а откладываются где-то на подкорке и при первом же воспроизведении вызывают адовое отторжение.

О том, что происходит после полуночи, я и вовсе молчу. Сейчас мне смешно, что когда-то я хотела раздобыть видеокассету с порно, чтобы разобрать процесс досконально и чему-то там научиться. Наблюдение за тем, как люди занимаются сексом, вызывает весьма странные чувства. Первостепенным является омерзение, но со временем зарождаются и другие ощущения, которые прежде мне доводилось испытывать лишь благодаря Тарскому. Я возбуждаюсь. Только если с ним этот жар головокружительный, всепоглощающий, с яркими вспышками эйфории, то здесь какой-то тошнотворный, мучительный, постыдный и опустошающий.

Задерживаю взгляд на Таире. Как ни одергиваю себя, сколько внутренних монологов с собой ни провожу, хочу смотреть на него. Особенно если он, как сейчас, не замечает этого.

Гордей гораздо крупнее и сильнее обычного среднестатистического мужчины. Сумасшедшее сочетание пугающей и покоряющей мощи, сдержанной и парализующей ярости, мужественной красоты.

Волосы всегда коротко стриженные, но такие темные, что никаких просветов не оставляют. Вкупе с такими же темными широкими бровями и густой небритостью оттеняют смуглую кожу и придают лицу какую-то грубоватую

яркость.

Губы четко очерченные и твердые. Хочется ласкать их пальцами и своими губами. Хочется подчиняться им. Плавиться под ними. Гореть. Тонуть.

Глаза... Глаза у Тарского такие, что одним лишь взглядом любую эмоцию продавить может. Менять психологическое состояние. Управлять настроением. Вызывать запретные и очень часто попросту безумные желания.

Кожа горячая. Вызывает стойкое стремление прикоснуться. Греться. Заряжаться. Впитывать ощущения.

Хочется непрерывно находиться внутри уникального энергетического поля, которое он создает. Вбирать в себя силу и уверенность, которые источает.

Сопротивляться этой тяге буквально невозможно. И при этом где-то на задворках всегда присутствует страх. Быть рядом с Тарским – все равно что находиться рядом с огнем. Он согревает и замораживает, но при этом ты понимаешь, что если потеряешь осторожность и перестанешь его контролировать, он тебя сожжет. Ужасающий трепет.

По телу прокатывается волна дрожи, когда Гордей ловит мой взгляд. Удерживает дольше, чем способно вынести мое растревоженное сердце. Но разорвать связь первой не могу. Вместо этого, поддаваясь какому-то непреодолимому, как мне видится, спасительному порыву, скольжу рукой по скрипучей коже дивана и касаюсь его сильной ладони. Таир реагирует с некой долей удивления. Опуская взгляд, освобождает меня, чтобы зрительно считать инициативу, которую я неожиданно проявила.

Разворачивает свою ладонь и, будто взвешивая мою кисть, едва заметно качает ее вверх-вниз. А затем крепко, почти до боли сжимает и замирает.

Меня бросает в жар. Горячее покалывание зарождается в кончиках пальцев, ползет стремительной дрожью по кисти, на запястье, предплечье, плечи, обкидывает мурашками спину и, наконец, захватывает все тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Wunschzimmer (нем.) – Комната желаний.

2

Здесь: сокращенный перевод Wunschzimmer.

3

Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав – впервые встречается в одной из древних сатир Лу-киана. Обычно адресуется тому, кто излишне горячится в споре, показывая тем самым, что, помимо эмоций, у него нет никаких доказательств своей правоты (шутл. – ирон.).

Купить: https://tellnovel.com/todorova_elena/ona-moya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)